

Нина ЕПЕРИНА

КРУГИ
АДА

Нина Еперина

Круги ада

«Автор»

2016

Еперина Н.

Круги ада / Н. Еперина — «Автор», 2016

Каждому человеку Бог дарует возможность исправления, если его жизненный путь не совпадает с предначертанным, но..., а если он совпадает? А если это кармическое и жизнь, которую тебе дали в этой инкарнации является одной из учебных для возможности понятия, что такое хорошо, а что есть плохо. Ведь не просто так рождаются на свет Чикатило или в нормальной семье ребенок вдруг становится нетрадиционной ориентации? Что это? В наказание или для опыта? Почему Души наши должны пройти разными дорогами и испытать за время проживания своих семидесяти или более жизней разные судьбы? Монаха или бандита, проститутки или «синего чулка», судьи или преступника? В этом романе женщине выпала суровая судьба, судьба человека с самого дна человеческого общества. Проститутки. Но, даже посылая нас на Землю с такой страшной судьбой, ОН дарует нам варианты выбора, как поплавки, за которые мы можем ухватиться. Вопрос? А хотим ли мы хвататься за эти поплавки или поплывем по течению жизненного потока в черную стремнину будущего, в надежде на что? На удачу в следующей инкарнации?

© Еперина Н., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Анастасия	6
Круг первый	8
Круг второй	16
Круг третий	21
Круг четвёртый	25
Круг пятый	28
Сергей	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нина Еперина

Круги ада

*«Из-под камня, камня чёрного вызываю силу тёмную,
силу тёмную, дело грешное, тоску, сухоту, сердца ломоту,
смерти хворобу с рабы Анастасии снимите, на собаку пошлите.
Чёрт-сатана, копыта, рога, мне, слуге твоей, помощи, вместо
Анастасии рабы собаку сгуби, схорони, часы жизни
назад поверни. Аминь»*

Старинный языческий заговор от смертельной болезни.

Анастасия

Из зеркала на неё смотрела очень красивая молодая женщина, вся какая-то ладненькая и складненькая. Коротенькая стрижечка «под мальчика» ёжиком, очень шла правильному овалу лица и делала его и моложе, и по мальчишески задорнее. Стрижечка открывала всё его целиком и выдвигала вперёд, как из рамы зеркала выдвигалась и вся её фигура, а густые волосы, обрамляющие лицо, были совершенно чёрного цвета, как «воронье крыло» и украшали его не просто рамой, но утончённой и богатой рамой, как бы ещё раз подчёркивая выступающее содержание. Внутри этой рамы всё было правильно и на месте. Красивые, чёрные, овально-ломанные, неширокие и высоко нарисованные брови, подчёркивали красоту лица. Чуть, чуть приподнятые в середине и разбросанные к концу вольным взмахом кисти художника, они оставляли много места для глаз, не придавливая их собой и не нависая по-плебейски сверху. Глаза светились задором, и блестели вполне привлекательно, и не очень вызывающе, и не очень отпугивающе, а именно так, как и должны блестеть красивые глаза у красивой молодой женщины, двадцати пяти лет от роду, которая прекрасно осведомлена о своей красоте и правильно ею пользуется.

Глаза, и, правда, были очень хороши. Большие, чёрного глубокого цвета, с густыми чёрными ресницами и даже то, как они были по-восточному прорезаны Божественной рукой, оставшись распахнутыми и выразительными, заставляло задуматься о примеси восточной крови, что совершенно не портило вид, а только добавляло какой-то изысканности.

Изысканности добавляли и скулы, подчёркивая ещё раз восточный след в генной памяти крови и правильной красоте естественного человеческого отбора. Эту правильную красоту укрепляли красивые, пухленькие и чуть капризные губки. Они были припухлыми чуть, чуть, в самый раз, и не больше чем надо, приближая к вульгарности, и не меньше, чтобы не закрадывалась мысль о скверности характера хозяйки. Между губами и глазами пролегал аккуратненький и правильный носик, охваченный с двух сторон «трепетными крыльями» ноздрей, немного капризными, которые одни только и выдавали возможные бурные страсти, кипевшие внутри.

Вся эта красота опиралась стройной шейкой на очень стройную фигурку миниатюрной женщины, про которую правильно говорила французская пословица – маленькая собачка до старости щенок. До старости было ещё очень и очень далеко, но за плечами уже накопился немалый опыт житейской мудрости, подкреплённый внутренней интуицией. Эта мудрость и интуиция научили правильно одевать и подавать, и это красивое тело, и это красивое лицо, не «пересаливая» его косметикой и не одевая вульгарно.

Она ещё раз осмотрела себя несколько пристальнее, чем следовало это делать в общественном месте, которым являлся вестибюль гостиницы, чуть-чуть повертевшись только одними плечами и головкой, потом приблизила своё лицо к стеклу почти вплотную, прищурилась и поправила длинным ухоженным маникюром мизинца чуть слипшиеся от туши ресницы. Общее впечатление из зеркала ей самой очень понравилось.

Она была близорука и поэтому издала видела себя в размытой дымке собственной любви к себе любимой. Но сегодня она действительно была очень хороша, даже придаться было не к чему. Близкое рассмотрение себя в зеркало не обнаружило совершенно никаких изъянов. И губы подкрашены аккуратно и правильно, не вылезая из общей точной картины лица, и платье одето именно такое, которое выразительно подчёркивало мягкие контуры стройной фигурки и туфельки, совершенно в гамме подобранные к сумочке и всему облику, смотревшей из зеркала красоты. Она провела рукой по ёжику, как бы ставя точку этому своему осмотру, гордо посадила голову, вся выпрямилась и пошла ко входу в зал ресторана.

Зал был «забит битком». Все люстры сверкали и переливались яркими, большими шарами и разливали по залу радуго красок, преломляясь в близоруких глазах вспышками микро салютов, как через мокрое стекло расплывается неоновая реклама. Она гордо шла по

проходу и чувствовала внимание к себе всего этого зала, потому что несла себя именно гордо и правильно, ровно так, чтобы это было и красиво, и в меру вызывающе, так, чтобы мужчины могли подумать о ней:

– Ах! Какая женщина...! Мне бы такую...! Но она для меня недоступна!

Мужчины и предположить себе не могли, до какой степени она была доступна. Она здесь «работала». Обслуживала очень богатых «клиентов» из наших русских богачей или иностранной публики. «Работала» уже давно, с тех самых пор, когда из-за мелкого конфликта не нашла общего языка на своём старом месте работы, в гостинице «Белград». Там она работала простой дежурной по этажу, а уже по совместительству зарабатывала деньги и на тряпках, «фарцуя» среди раздетой московской публики, и на богатых «клиентах», зазывающих в номера поближе к полуночи или и того позже. Клиенты были иностранные, других бы она к себе и не подпустила в то время, не позволяя опускаться, потому что понимала, только с богатым клиентом можно заработать себе на жизнь. Такая «работа» требовала большой конспирации, поэтому с иностранцами было надёжнее, они никогда не позволили бы себе распространяться перед персоналом о ночных развлечениях. Но потом нашёлся завистливый женский глаз, подсмотрел её ночные хождения по номерам, и настучал «куда надо».... Пришлось срочно уносить ноги «по собственному желанию» и совету умной администраторши в её смене.

Было это ещё в восемьдесят пятом году, когда в моде были лживые моральные ценности, основанные на обязательном доносе друг на друга. Потом её долго, лет около трёх-четырёх, прибывало к разным берегам, нигде не могло остановить на длительный срок, потому, что характер у неё был хотя и тихий, и молчаливый, но гордый и независимый, детдомовский и ершистый. Но вот уже почти три года, как её прибило сюда, в ресторан гостиницы «Пекин», где она и нашла общий язык с местной «мамочкой», крутой сутенёршей, самой выросшей в детском доме и сильно не притеснявшей её. На дворе вступал в свои права девяносто первый год, на Россию и Москву нахлынула Перестройка, и всё вокруг неё совершенно изменилось, как и у всей Страны...

Круг первый

Жизнь не баловала её с самого начала, сколько она себя помнила. Помнила же она себя только с того детского дома, в котором в её жизни появилась она, её мать. Настя пыталась докопаться в памяти до матери раньше её появления, но в глубинах сознания ничего не отвечало на ночные её вопросы и совершенно не шевелилось в груди в нежной истоме радости открытия. Мать в тех, самых дальних уголках памяти, не сохранилась вообще, а появлялась в воспоминаниях только с двенадцати лет. Именно тогда она впервые почувствовалась ею, как понятие мать, но которое она воспринимала только умом, потому что её детским сердечком громкая, чужая и большая женщина рядом с ней никак не воспринималась. Она была тогда хрупкой и тоненькой тростинкой, рядом с которой эта громоздкая тётя, которая говорила всегда не только очень громко, но и хамовато, почти криком, часто выпуская сальные шуточки даже при ней, её ребёнке, и ругавшаяся матом для связки слов, была чужой. Она никак не подходила под нежное и трепетное слово Мать, которое для маленькой детдомовской души было самым долгожданным и желанным.

Она помнила, как зимой, они всегда вместе с подружками шептались про самое тайное, на чердаке за трубой. Тайностей было много, в основном про новые отношения с мальчиками, вступавшими в половую зрелость, про их детские, девичьи организмы, пугающие их новыми ощущениями и открытиями, про которые им не у кого было спросить. Старшие девочки держались от них отдельно и в свои разговоры не допускали «сопливый молодняк». Но для неё самая большая тайна была спрятана в её ожидание матери и отца. Они обязательно должны были в один прекрасный день войти рука об руку в детский дом. Они должны были забрать её оттуда прямо сразу, прямо взять за обе руки и вывести с собой через большую стеклянную дверь главного входа на солнечный двор, и увести по аллейке в большую семейную жизнь для большой семейной любви! Эту мечту она поведала как-то самой близкой своей подружке Светке, своей однокласснице, после чего они часто понимающе смотрели друг на дружку, храня в своих душах эту самую главную тайну.

Но уже потом, когда, как-то по весне, появилась эта большая, некрасивая, толстая и неприятная тётка, с большими сиськами и толстым задом, которую звали совершенно диким именем Клавдия Пантелеевна, отношения эти резко изменились. Тётка оказалась её матерью, а подружка Света, вместо того, чтобы поддержать и посочувствовать, взялась дразниться матерними словами, кривляясь лицом, в точности повторяя и интонацию, и выражение, с которой её мать общалась с окружающими, включая детей. А ведь Настя скармливала ей почти все сладости, которые привозила мать, стараясь удержать эту дружбу и задобрить свою лучшую подружку.

Мать приезжала раз, или два раза в месяц, привозила шоколад или конфеты в невероятно больших количествах, оглашала пространство своим рёвом, шокируя тонкую ребячью душу, чмокала в щёку и уезжала. Этим её материнская любовь и ограничивалась. Она была совершенно чужим человеком и Настя часто думала, что кто-то ошибся и прислал ей не её маму, потому что эта тётка была белобрысая, вся в кучеряшках, с толстыми губами и носом пуговкой, а её мама должна была быть ласковой и нежной, и непременно очень красивой, с тонкими чертами лица. И ещё она должна была быть невысокого роста, смуглой, очень стройная, с чёрной толстой косой, уложенной вокруг головы, как у старшей воспитательницы Риммы Сергеевны. Настя и сама была черноволосая, невысокого роста и очень красивая. Она понимала это с раннего детства, потому что с самого раннего детства её таскали за косички детдомовские мальчишки, а когда она подросла, стали назначать свидания под лестницей после отбоя.

Вначале свидания были ей не очень приятны, но очень возбуждали любопытство, рождённое подрастающими девочками за трубой. Она бегала под лестницу, чтобы и ей было, что

рассказать своим подружкам. Но вот рассказывать то, что происходило под лестницей, ей не хотелось. Внутренним чувством она понимала, что сопливые поцелуи, замусоливавшие ей лицо, губы и шею, шарение руками в трусиках в какой-то спешке и очень настойчиво, были противными и гадкими. Но с другой стороны ей было очень интересно, что же так привлекало мальчиков шарить в темноте в её трусиках, и почему она тоже начинала учащённо дышать, реагирую своим организмом на эти странные прикосновения, на эту странную близость? И почему ей и страшно было от этих прикосновений, но и очень приятно?

Она понимала своим маленьким я, что это что-то запретное и взрослое. Но именно поэтому ей было интересно понять эту взрослость. Девочки же рассказывали, что от таких встреч в темноте под лестницей рождаются дети. Она не понимала, что может быть такого страшного в сопливых поцелуях, и почему дети могут получиться именно от них? Но внутренним чувством догадывалась, что поцелуи тут ни при чём. При чём могли быть только прикосновения в самом низу, там, где это становилось до боли приятным и заставляло сжимать ноги и покрываться мелким потом и её, и мальчика, который был с ней под лестницей. Мальчики менялись постоянно, потому что она боялась встречаться с одним и тем же. Один и тот же был Женя. Он ей очень нравился и её это пугало. Он был старше на четыре года и был самый настойчивый из всех тех, кто завлекал её под лестницу.

Но потом та первая весна, которая позвала её под лестницу, всё же прошла, и наступило долгожданное лето. Не надо было перебегать через заснеженный двор, кутаясь в тоненькое детдомовское пальтецо. Можно было в одном платишке радоваться небесному теплу, поэтому все дети стали высыпать в любую свободную минутку во двор, нежась под первыми, по-настоящему тёплыми летними лучами. Теперь можно было найти место для душевных тайных разговоров не только за трубой на чердаке, но и за большим старым сараем, или в кладовке, где складывались доски и поделки детского творчества, или в мастерской по труду, в самом конце детдомовской территории. Мастерская была почти всегда открыта, так решила Римма Сергеевна, в надежде на творческое любопытство, могущее вспыхнуть в детских головках и душах.

Любопытство в детских головках действительно вспыхивало, но совершенно на другой предмет. И однажды именно это её любопытство было вознаграждено.

Настя подсмотрела в щёлочку, как девочка из старшей группы целовалась там с парнем из той же старшей группы. Ей пришлось присесть совсем низко, задрав кверху голову, чтобы видеть, как они целуются, потому что дырочка была на уровне её груди. Целовались они совсем не так, как она под лестницей, а как-то по-взрослому и долго. Вначале Насте это не очень понравилось, но она не могла оторваться от удивительной картины ещё целый час или больше, открыв для себя нечто совершенно новое и совершенно не понятное. Она видела взаимоотношения двух молодых людей, которые занимались прямо перед её глазами чем-то неожиданным и ей неизвестным, но это было явно запретным, иначе бы они не прятались вдвоём в чулане за мастерской и не делали то, что она видела. Потому что потом поцелуи переросли в совершенно необыкновенное зрелище, которого она своим детским воображением представить не могла. Её организм тоже реагировал на то, что она видела прямо перед собой. Ей было так захватывающе интересно, что она старалась даже не дышать, а не только шевелиться. Они же стонали громко, не соблюдая никакой конспирации, от чего Настя пугалась, что кто-то ещё может увидеть вот это и испортить такую интересную, такую необыкновенную игру на двоих. Но за мастерской росла только крапива и кусты, никто не мешал ей рассматривать невиданную невидаль прямо перед её глазами. Она включилась в созерцание вся, стараясь рассмотреть это очень внимательно. Она и рассматривала, запоминая необыкновенное всем своим естеством. Ей было очень интересно, чем же закончится там, за стенкой, это странное действие? Она поняла, что вот этим странным действием она тоже очень хочет заниматься. Очень! Потому что ей это очень понравилось. Даже подружки ей такого никогда ещё не рассказывали. Эти двое занимались какой-то неизвестной для неё работой, они сопели, стонали на весь чулан, а потом

ещё и охали, и кричали. В её небольшой жизни это пока оказалось самым интересным, из всего, что она видела. Это было на много интереснее, чем непонятная, новоявленная мама, с которой её явно обманули. Но, наверное, почувствовать ЭТО самой было бы намного приятнее?

Может быть, стоит и мне тоже попробовать такое? Может быть, даже как можно скорее, не затягивая удовольствие в долгий ящик? – спрашивала она сама у себя.

Тогда, за мастерской, и решила вся её будущая жизнь. Именно тогда она приняла то самое решение, ставшее впоследствии раковым. Картинка увиденного так отчётливо стояла у неё перед глазами, так чётко прорисовывала все мельчайшие детали, что не давала ей покоя до тех пор, пока она не приняла решения. Эта картинка заставила её действовать быстро. Она решила провести её в свою жизнь.

Уже под вечер она нашла Женю, как самого взрослого из ребят, и потащила его за мастерскую, прихватив с собой одеяло. Ей казалось, что на одеяле будет на много удобнее. Она боялась, что если позовёт кого-то моложе, то всё получится не так, как она это видела только что. Картинка всё стояла и стояла перед глазами, она толкала её в спину, она кричала в её душу:

– Давай быстрее! Давай быстрее! Не тяни, действуй быстрее.

Она всё стояла и стояла прямо перед глазами, так чётко и понятно прорисованная, что запомнилась ей на всю жизнь. А тогда, она видела её своими глазами, так близко, близко, всю эту захватывающую картинку, что сразу поняла, девчонка стонала именно от того, что парень был почти взрослый. Она тоже должна была застонать от удовольствия...

Тот вечер действительно изменил всю её жизнь, потому что, то, что она вначале увидела, а потом и сделала вместе с Женей, ей тоже очень понравилось.

Ах, как хорошо это всё было в тот первый раз. С ней произошло именно то, что она видела в чулане, именно с ней, и ей тоже очень, очень понравилось! Навсегда! Она тоже стонала, как та девчонка, и изгибалась в руках у Жени...

Вот так всё и произошло впервые. Это было так сладостно и необыкновенно, так не похоже на всю её мрачную, холодную, одинокую, маленькую жизнь. Жизнь маленького человечка, никогда не чувствовавшего настоящего человеческого тепла, настоящей, большой Любви, ни от своих родителей, ни от подружек, ни от чужих тётей в детском доме. Никогда её сердечко не согревалось по-настоящему. Поэтому тогда ей показалось, что, то, новое чувство, которое она приняла и поняла тогда, за сараем, даст ей хотя бы чуточку радости.

С тех пор она занималась этим почти каждый день. Никогда впоследствии она не врала ни подругам, ни своим мужчинам, ни самой себе, не жаловалась на судьбу несчастной дурочки, которую заманили «в западню» и заставили отдаться за сараем. Она не делала вид, что ей было противно и гадко, всё то, чем она занималась в детском доме. Она не кривила своей душой, когда говорила прямо и честно:

– Я очень люблю мужчин и секс с ними. Я создана, чтобы радовать их красотой своего тела и своего темперамента.

Она не кривила душой, ничего не придумывая, и тогда, когда превратила это в профессию. Не врала, что занимается продажей своего тела вопреки своей воле и желанию, этой древнейшей из профессий, исключительно ради денег. Это было бы не правда. Она занималась этим и из-за денег, и из-за удовольствия. Очень полюбили её ещё с той, ранней юности это древнее чувственное движение тел навстречу друг другу. Ей было не только не противно, а наоборот, ей было очень приятно всегда, с того самого дня. Приятно чувствовать себя женщиной с большой буквы, способной удовлетворить вкус и запросы любого мужчины. Приятно прикосновения мужских рук к своему телу. Приятно проникновения и то удовольствие, которое она при этом испытывала. Приятно всё то сладострастие, которое каждый раз заставляло изгибаться её тело и сопровождать море удовольствия для себя ещё и стонами, и капельками пота, мелко покрывавшими её спину, нежный пушок над губами, её красивый, упругий живот. Всё то чувство, которым откликалось тело на удовольствия. Может быть, в этом была виновата

её восточная кровь, или первый сеанс подглядывания? А может быть, в этом был виноват первый опыт плотского удовольствия с Женей, нежно и аккуратно превратившего её из девочки в страстную женщину с очень большим аппетитом на плотские удовольствия?

Случилось всё это очень и очень рано, ещё до появления больных девичьих дней, и стало приносить массу неприятностей. Её раннее любопытство и знакомство с интимной стороной жизни рода человеческого, которое началось в её двенадцать лет, там, за сараем, продолжалось по сегодняшний день! Тогда она чувствовала себя горячим молодым жеребцом, который скачет по равнине, задрав хвост трубой, чувствуя напор ветра и хмелея от своей раскованности и вседозволенности, которые придумала себе сама...

Она перетаскала всех мальчиков, которые были рядом, не только под лестницу, но и за сарай, и в чулан, и в мастерскую. Может быть, это был её протест против несправедливости жизни, а может быть, южный темперамент заставлял поступать именно так, но ей всё время хотелось ещё и ещё...

Она уже знала название всех своих ощущений и желаний...

Она не скрывала всего того, что с ней происходило, от девчонок и с удовольствием подробно рассказывала им о своих ощущениях, хвалясь и бравируя перед ними своими «победами». От этих разговоров девчонки стали как-то отдаляться от неё и потихоньку перестали принимать её в свою компанию за трубой или за сараем, сразу же замолкая и расходясь при её приближении. Ей даже стало казаться, что главным объектом для их обсуждения и детских сплетен, была именно она. Вот почему она ещё тогда поняла, что такое есть подружки и старалась в дальнейшей своей жизни их не заводить вовсе.

Может быть, именно подружки и помогли в один прекрасный день её разоблачению, подсмотрев и «настучав» учителям. Учителя застали её с очередным мальчиком за сараем и даже выставили на общее обозрение, стыдя и позоря перед всем детским домом на линейке. Общественный позор дела не изменил, тогда учителя стали устраивать на неё настоящую ночную охоту. Они охотились на неё целенаправленно и все по очереди. Закончилось всё это очень неприятным событием с молодым воспитателем, у которого наступила очередь на ночное дежурство и которого она затащила под лестницу...

Скандал получился грандиозный. Воспитателя уволили, в детский дом вызвали её мать и стали думать всем учительским педсоветом, что с ней делать? Мать отреагировала очень просто и в предложенный обморок не упала. Она просто забрала её из детского дома. Было ей тогда уже тринадцать лет и количество мужчин за спиной, перевалившее где-то за тридцать.

Мать привезла её домой, в коммунальную квартиру, в которой у неё была одна небольшая комната. Комната была узкая, длинная и тёмная, потому, что единственное, узкое и грязное окно, выходило прямо на соседнюю серую стену с потёками. Стена стояла так незыблемо и мощно, так совсем рядом с окном, что давила собой не только на комнату, но и на любого входящего в неё.

Обстановка в комнате красноречиво показывала благосостояние хозяйки. Вдоль одной её длинной стены выстроился двухстворчатый шкаф, который мать называла шифоньер. Шифоньер был с одной узкой дверцей и второй широкой. Широкая дверца была украшена мутным зеркалом и отражала в себе старый клеёнчатый диван, стоявший напротив. Диван был даже не старый, а старинный, как прадедушка, такой, жизнью потрёпанный вид он имел. С высокой спинкой, увенчанной полочкой с вышитой салфеткой и уставленной слониками, этот диван и стал прибежищем Насти на то небольшое время, которые она прожила с матерью. За шифоньером следом, ближе к окну, стояла материна кровать, застеленная вязаным покрывалом и заваленная целой горой, целой пирамидой подушек, от очень большой внизу до маленькой «думки» на самом верху. Сверху гору прикрывала такая же вязаная накидка, по краю украшенная вязаными рюшами.

За кроватью остаток пространства был занят этажеркой. Этажерка была украшена белой бумагой, вырезанной дырочками. Одна полка была уставлена шкатулками разной величины, с наклеенными на них ракушками. В самом центре крышек шкатулки были разукрашены фотографиями каких-то известных в сороковые годы артистов, с сердечками и голубочками. Ещё на этажерке стояло три книжки, тоненькие и ободранные. Остальные полки были заставлены флаконами из-под духов, как пустыми, так и наполненными разным количеством жидкости. Там же стояли круглые коробочки с пудрами и лежали тюбики помады. Это было их законное место, очень удобное для матери. Она привычно плюхалась своим большим задом на кровать, отчего кровать жалобно скрипела, протягивала руку в промежутки между прутьями кровати спинки и чётко брала нужную ей помаду, даже не глядя. Так же, не глядя в зеркало, она привычным жестом вставляла помаду между плотно сжатыми губами и несколько раз проводила по ним, после чего растирала помаду губами одна об другую и клала обратно на то же место, где и взяла. Ни разу не оказывалось, при этом, что мать накарсила губы криво. Это умение поразило Настю с первого дня. С тех пор она всегда старалась подсмотреть за этим необычным процессом.

Напротив материнной кровати и за Настиным диваном, к стенке был придвинут круглый стол с четырьмя «венскими» деревянными стульями. Стол был накрыт скатертью, а в самом центре его красовалась большая ваза с искусственными, пыльными цветами. Некоторые из них были сделаны из материала, а некоторые из крашеных, пушистых пёрышек и это очень удивило Настю. От двери через всю комнату пролегал потёртый ковер, зелёный в середине и с красными полосками по краям. Ковер был похож на ковровую дорожку, точно так же пролежавшую по кабинету директора детского дома и никак не вписывавшуюся в нормальное человеческое жильё. Только этот был тканый.

По ночам мать громко храпела и скрипела кроватью на всю комнату, будя Настю, и не давая спать посторонними звуками. Звуки отравляли её мечты о будущей жизни. Мечты эти рисовали ей картинки о принце, который обязательно должен был появиться и вытащить её из этой узкой кишки, бросив там весь старый мебельный хлам, забивший комнату, вместе с жившей в ней матерью, наводившей на Настю тоску и обидные ночные слёзы...

Сама квартира была заселена чужим и злым народом, не находившим общего языка с её матерью. Население просыпалось очень рано и уходило на работу, а к вечеру возвращалось с работы. Мать же на работу не ходила, она на неё уезжала и сразу на несколько дней. Приезжала она всегда с деньгами и показательно шиковала назло соседям, покупая в магазинах много вкусной еды, фрукты и сладости. Настя любила сладкое и в такие дни мать её баловала. На столе появлялась огромная ваза, в которой горой красовались конфеты и шоколадки. Их можно было есть сколько хочешь и без всякого спроса.

Иногда мать приглашала в гости женщин. Этих женщин она звала «подруги», а когда злилась на них, то и «шлюхи подзаборные». Подруги сидели вокруг стола по два или три дня, пили вино и водку, много курили и очень громко ругались матом, проклиная свою работу. Они звали мать – Клавка. Все дни они спали, где придётся. Одни зажимали Настю в стенку своими телами, другие храпели вместе с матерью на её кровати. Соседи этих гулянок не любили, потому что пьяные материны подружки шатались по всей квартире и лезли в чужие кастрюли на кухне. Соседи изрыгали яд и зло зыркали глазами и на мать, и на её подружек, и на Настю.

По вечерам женское население коммуналки набивало своими телами в старых и рваных халатах общую большую кухню, готовило там еду и устраивало обсуждение их с матерью жизни. Почти ежедневно беседы заканчивались бесконечной руганью не только с её матерью, вступавшей в дебаты, но и друг с другом. Иногда в ругань включались даже мужчины, а раз или даже два раза в месяц на кухне крепко дрались подручными кухонными принадлежностями. В одну из таких коллективных драк сосед Владимир, обзываемый всей квартирой

«Хмырём», обварил горячим борщом соседку Нину. В квартиру вызывали скорую помощь, выносили на носилках толстую тётю Нину, после чего несколько раз приходили милиционеры и пугали население словом «Суд». Население испугалось месяца на три, но потом успокоилось, и на кухне произошла очередная совершенно безобразная драка. Соседа «Хмыря» увезли вечером в «воронке», как сказала мать – навсегда, потому что он зарезал кухонным ножом мужа тёти Нины – Петра Ивановича. В коммуналке стало немного тише, но ругань на кухне не замолкала никогда, сколько она помнила себя в этой квартире.

Через месяц мать устроила её в школу, после чего Настя ходила в соседний двор целых полтора года в самую обыкновенную общеобразовательную школу в пятый и шестой класс, хотя должны была пойти уже в седьмой, но ей устроили в школе экзамен и приняли только в пятый.

Школу она не любила, потому что не нашла там для себя ни одной подружки. В её классе все девочки были совсем маленькие и никак не подходили ей по возрасту, а в старших классах девочки не принимали её в свой круг и даже дразнили, потому что она оказалась на два года «отстающей в развитии», как говорили школьные сплетники. Мальчики в её классе были совсем маленькие, даже по росту, а мальчики старших классов смотрели на других девочек и на неё, худенькую, чёрненькую и чужую, никакого внимания не обращали.

В один из вечеров, после очередного налёта подружек, мать долго и нудно пила в комнате водку одна, плакала и растирала слёзы по всему лицу, отчего оно распухло и пугало Настю своим видом. Пила она почти до утра, не давая Насте спать, а потом подняла её с дивана, усадила напротив, и весь остаток ночи требовала отчёта за все её бывшие походы под лестницу, в сарай и в чулан. Она опять ругалась матом, и всё выясняла, нравится Насте заниматься таким безобразием или нет? Настя пугалась материных расспросов, молчала, опустив голову, а когда смотрела исподлобья, то старалась не смотреть на материно распухшее лицо. Уже под утро она подняла на Настю пьяные глаза и сообщила:

– Запомни навсегда! Ты не должна быть дурой по этой жизни. Ты должна получать за все женские удовольствия, которые будешь давать мужчинам, только деньги и как можно больше денег! Поэтому завтра я поведу тебя к врачу, и буду устраивать твою жизнь по-другому. Иначе твоя дорога повторит мою...

Что имела в виду мать, говоря про дорогу, Настя тогда не поняла, как и остальных материных пьяных речей.

Завтра у матери не наступило, но послезавтра пришло своим чередом, и мать действительно повезла её к врачу на другой конец города. Всю дорогу Настя боялась этого страшного названия, но оказалось, что зря. Врач оказался врачом-гинекологом и обыкновенной женщиной среднего возраста. Она заставила её залезть на гинекологическое кресло, всю по-женски проверила и ощупала. Насте было очень стыдно и неприятно, потому что она первый раз оказалась в кабинете у врача в таком виде и на таком кресле.

Потом Настя лежала в кресле одна, брошенная с раздвинутыми и голыми коленками, а мать долго о чём-то совещалась с врачом за перегородкой и шуршала деньгами. Это было понятно даже Насте. Совещание закончилось неприятной для неё процедурой с болезненными ощущениями. Врач уселась между её коленками и взяла длинную иглу с ниткой в руку, красноречиво посмотрев на неё. Она стала делать ей что-то болезненное и неприятное, копаясь в промежности, а потом отпустила совсем.

Всю обратную дорогу она ехала в транспорте стоя, садиться было больно, да и вообще ощущения были не из приятных. Весь тот вечер ей было больно совсем внизу, там, где копалась врачиха. Там щипало и горело. Спрашивать об этом у матери она не решалась, потому что и представить себе не могла, что и как можно о таком интимном спросить у этой чужой для неё женщины.

Через несколько дней, после ужина, мать опять усадила её напротив себя, и у них произошёл странный разговор. Мать стала объяснять ей, как живут на этом белом свете все люди, начиная с себя, своих подружек и всех тех соседей, которых она терпеть не могла. Эти откровения взрослой женщины она запомнила на всю жизнь. Оказалось, что именно то, чем она занималась под лестницей и за сараем в детском доме, было материнской профессией. Она зарабатывала этим и на свою, и на её жизнь. Она выезжала на большие трассы, по которым ходили очень большие машины, и ехала в этих машинах сначала в одну сторону, пересаживаясь из машины в машину, а потом обратно. И так несколько дней в месяц. Ей тоже нравилось заниматься такой профессией, потому что ничего другого она не умела. Она долго втолковывала тогда Насте свою точку зрения:

– Все бабы в этой жизни сучки. Все они зарабатывают на жизнь именно так, как и я, только одна это делает открыто, а вторая прикрывается замужеством и семьёй. По ночам они требуют у мужа и шубу, и золотые кольца, имея при этом на стороне любовника. Ты не смотри, что у неё такой благородный вид, на самом деле она с утра и до вечера только про мужиков и думает, потому и живёт не честно. На самом деле у неё в голове не борщ, и не дети, у неё в голове только секс, хер, да ещё деньги. А деньги нужны на тряпки, да чтобы любовника оплачивать, причём, из мужниного кармана. И при этом они изображают из себя порядочных, осуждают нас, таких, которые живут по жизни честно, называя белое – белым, а чёрное – чёрным. А на самом деле все бабы очень похотливые и охочие на постельные утехы, только прикрываются порядочностью...

Закончился разговор очень неожиданным предложением. Мать рассказала ей, зачем-то, целую историю, чем сбила с толку окончательно:

– У меня есть один знакомый пожилой человек с очень тугим кошельком, иностранец из Франции на какой-то очень важной должности и одинокий. Жениться он не собирается, но иметь в доме молодую девушку он бы не отказался, тем более девственницу, поэтому тебе сделали операцию по восстановлению девичества. Завтра мы поедem к нему в гости. Ты должна понравиться этому человеку. Только всё время должна помнить, что ты у нас невинная молодая девушка! Ни в коем случае не надо рассказывать ему о том, что врачиха восстановила тебе девственность. Если он убедится, что ты девушка, он готов будет помогать нам материально в этой страшной жизни. Он даже готов будет обеспечить твоё будущее....

Настя не спала всю ночь и думала про свою такую маленькую жизнь, в которой такое большое место занимали её мысли о мужчинах, и всё что с ними связано. Правда, пока она знала и не мужчин даже, а мальчиков, да и то только в той, детдомовской жизни. Были ещё и эти, которые жили в коммунальной квартире, но никакого интереса для неё не представляли и по ночам не влезали в голову. Они были очень злые по вечерам, после своей работы, а в выходные дни пьяные и противные. Однажды ночью она попыталась представить свою будущую жизнь с таким вот мужчиной, из своей коммуналки, и ей стало противно.

А тогда она лежала в ночной тишине, обдумывая всё, что услышала. Она понимала и оправдывала свою чужую мать, после таких неприятных, «коммунальных» раздумий. Своё будущее теперь она могла представить только одинокой женщиной без детей, но с красивыми и благородными мужчинами, которых показывают в кино. И чтобы их было много, для выбора. А потом появится ОН и увезёт её на корабле с алыми парусами в далёкую и прекрасную страну, где все люди будут непременно очень счастливы! Она смотрела такое кино ещё в детском доме, про маленькую девочку, корабль и прекрасного принца...!

Утром мать сама купала её в ванной долго и особенно тщательно, перед тем, как надеть новое бельё. Она доставала его у спекулянтов по всей Москве, а потом сама целый месяц украдкой любовалась красотой, которая лежала в отдельном пакете и которую она до поры, до времени, не показывала своей дочери. Теперь она торжественно выкладывала его перед Настей. Бельё было всё с кружевами и очень воздушное. Анастасия раньше никогда не надевала таких

прозрачных трусиков и такого нежного бюстгалтера. Тогда она надела бюстгалтер первый раз в своей жизни, потому что её очень маленькие грудочки только-только появились, были и так очень красивые и упругие. В то утро она впервые почувствовала себя совсем взрослой девушкой, которую «поведут под венец». Она не знала, что это такое «под венец», но звучало это очень заманчиво! Платье мать достала из шкафа торжественно и аккуратно подала на вешалке, потому что оно было воздушное, прозрачное и нежно голубое с розовыми цветочками. Оно тоже было новое и красивое. Она стояла в кружевном белье и любовалась сама собой в большом и мутном зеркале шифоньера, перед тем как надеть сверху на всю эту невидаль ещё и новое платье. Но платье не испортило красоту, наоборот, оно оказалось очень подходящим под то, что было снизу.

Мать долго расчёсывала её непослушные волосы, пытаясь соорудить из длинных, прямых и жёстких волос взрослую причёску с начёсом и какими-то буклями, утыканными шпильками и невидимками. В конце концов, она заплела ей одну косу и уложила на макушке «бабушкиным кукишем», украсив двумя маленькими, розовыми бантиками по сторонам. Всю картину завершили новые туфельки на небольшом каблучке, которые мать, как фокусник, извлекла из-под кровати, так же торжественно и гордо пододвинув ногой коробку по тканой дорожке. Настя открыла коробку и ахнула. Туфли были нежно голубые, точно под цвет платья.

Потом они ехали в трамвае, и все входящие рассматривали её с большим любопытством, особенно молодые парни. То же самое продолжалось и в метро, и в автобусе. И с каждым следующим взглядом она становилась всё выше и выше, как бы выпрямляясь и подрастая в своих собственных глазах.

Таким был её первый выход на люди при полном параде.

Круг второй

Квартира, в которую они вошли, оказалась очень большой и красивой. Красивым оказался и подъезд, украшенный стеклянной будкой, и сидящая в ней крашеная блондинка средних лет. Она строго выпросила, к кому они пришли, и пропустила в лифт. Лифт был необыкновенный. В нём были зеркала и скамейка для сидения. А коридор, большой и высокий, с массивными, солидными дверьми, пугал своими размерами. Одна из дверей впустила их в нутро чужой и загадочной квартиры.

В квартире их встретила женщина средних лет. Она внимательно посмотрела на мать, на Настю, а потом усадила в кресла, стоящие прямо в прихожей и велела ждать. Они ждали минут двадцать. Анастасия рассматривала убранство этого странного для неё и чуть освещённого помещения с высокими потолками, и оно ей очень нравилось, хотя и пугало полумраком и загадочностью.

Прямо перед ними всю высоту стены занимало огромное зеркало с подсвечниками по сторонам, изображающими молодых обнаженных девушек, держащих факелы и красивой широкой тумбочкой перед ними. На тумбочке лежали перчатки и ещё какие-то непонятные и плохо различимые из её кресла вещи. Около зеркала стояла высокая ваза, стояла прямо на полу, и в ней были не бумажные цветы, а, почему-то, зонтики и палки с красивыми кручеными ручками и блестящими шарами на концах. С двух сторон от зеркала стену занимали большие картины, все тёмные от старости, в толстых, золотых, все в лепке, рамах. На одних были изображены серьёзные, пожилые мужчины в старинных платьях из бархата, с женскими рюшами по воротникам. На вторых обнажённые по плечам женщины, загадочно смотрящие в разные стороны и ещё загадочнее улыбающиеся. На третьих столы с разложенной на них едой, зачем-то уложенной на атласные шторы, свисающие как бы из-за рам снаружи и закреплённые там непонятно за что. На четвёртых кучи деревьев около реки или на взгорье вдалеке с толстыми, ухоженными коровами.

Картины были такие же странные и загадочные, как и вся квартира. Ей казалось, что эти люди на полотнах хотят что-то сказать, как будто о чём-то предупредить, но только её одну. Они смотрели в стороны, а сами косились на неё краем глаза и совсем уж загадочно улыбались. Они что-то знали, но она не понимала, что они хотят ей сообщить, какую страшную тайну открыть. Особенно понравился ей красивый и гордый молодой мужчина, висевший прямо сразу же около зеркала. Он строго рассматривал её, скосив глаза и загадочно улыбаясь. Она не могла отвести от него своих глаз ни на минуту с того момента, как только увидела на стене эту картину. Он приковал её внимание к себе настолько, что Настя не успела рассмотреть дальше, что ещё стояло в прихожей?

Дверь сбоку вдруг резко распахнулась, и в комнату быстро вошёл мужчина. Он подошёл прямо к ним и остановился напротив. Молодой мужчина на портрете оказался за его спиной и был почти закрыт его фигурой. Он старательно вытянул шею и стал подмигивать ей так усиленно, что это могло быть заметно со стороны, как ей показалось. Она немного испугалась, как бы мать не заметила те тайные знаки, которые посылал ей удивительный портрет...

– Ну, здравствуйте, голубушки! – сказал остановившийся напротив них человек, как-то плавно провёл рукой по воздуху, жестом указывая на открытую дверь и произнес торжественно – Прошу. – потом резко развернулся и вошёл в комнаты первым. Мать поднялась, подала ей руку и даже потянула к себе, потому что Настя никак не могла оторвать глаз от диковинного, живого портрета на стене.

Они вошли в большую комнату, тоже обставленную старинной мебелью, со стенами, почти полностью завешанными такими же разными и красивыми картинами. Картины были большие и маленькие, тёмные и светло-радостные, с людьми и животными, едой и деревьями,

но очень внушительные в своём величии. Анастасия даже втянула голову в плечи, так сильно давили на неё эти бесчисленные картины. Старинная мебель, расставленная вдоль стен, тоже была какая-то очень толстая и внушительная. Рассматривать всё это подробнее было неудобно, да и некогда, потому что мать сунула её, как-то прямо в живот рукой за которую Настя держала её, в диван, куда она уселась с разбегу и испуганно затихла там, стараясь даже не дышать. Диван был большой и очень мягкий, отчего ей показалось, что она угодила прямо в его глубокие недра и никогда не сможет оттуда выбраться.

Мужчина опять остановился прямо напротив неё и стал рассматривать как-то совершенно откровенно. Тогда и Настя стала его рассматривать снизу вверх, начиная с обуви. На ногах у него оказались самые обыкновенные шлёпанцы, правда, не дранные, как у них дома, а почти новые. Дальше ноги были одеты в брюки. Брюки были тёплые и мягкие, это было понятно даже не на ощупь, но стрелок на них не было, почему-то. Над брюками на нём была одета тёплая рубашка навывпуск с разрезами по бокам и в очень крупную клетку, отчего он становился меньше и ростом, и всем своим телосложением. Само телосложение было даже хрупким, и как ей показалось, немного усохшим, потому что мужчина оказался невысоким пожилым человеком с маленькими руками и такими же маленькими ногами. Дальше ворота клетчатой рубашки рассматривать его она не посмела и остановила свои глаза на самой последней пуговице воротничка. Что было выше, только угадывалось зрительным кругозором, и единственное что она этим зрением увидела, что у него нет на лице бороды, которую она, почему-то, ожидала увидеть.

– Ну-с, голубушки, как доехали? – спросил мужчина высоким голосом, как-то почти визгливо, и только тогда она подняла глаза на его лицо.

Лицо у него было не совсем обыкновенное. Настя никогда ещё не видела такого лица ни в детдоме, ни на улице, ни в метро, где людей было больше всего. Первое, что бросалось в глаза и упорно цеплялось зрением, был большой шрам, проходивший по щеке от уголка глаза и обрывающийся почти на подбородке. Ещё на лице были большие и очень голубые глаза, занимающие почти всё пространство этого лица, проникающие прямо в её глаза, так ей тогда показалось. Но лучше всего лицо украшали большие и пышные, седоватые местами, усы. Они, как кусты вокруг клумбы, были красиво пострижены и располагались на щеках от самых ушей через его, в общем-то, очень симпатичное лицо к носу и поперёк шрама, куда он занывивал, а потом вынывивал обратно. Всё остальное было обычное, как и у всех. Обычный нос, немного пупочкой, обычные брови, и даже та часть губ, которая видна была из-под усов, была обычная, и не тонкая, и не толстая. В ворота рубашки оказался шёлковый платочек, завязанный узлом. Он выглядывал из-за ворота только узлом, спрятавшись под рубашкой. Это платок очень поразил Настю. Она никогда не видела в её маленькой жизни мужчину с женским платком на шее.

Всё это она не успела рассмотреть хорошо, не позволяя себе таращиться на него долго. Она успела только кинуть взглядом, зацепив в памяти самое яркое.

– Спасибо, доехали нормально. – выдала мать полу басом.

Это было сказано как-то грубо и громко, так показалось Насте. После его высокого голоса её басистая фраза сильно врезалась в ухо, и даже покорибила.

– Ну что же, давайте знакомиться. – изрёк он торжественно и протянул ей руку.

Она смотрела на него снизу вверх. Ей было очень неудобно протягивать руку так изда- лека, поэтому она стала выбираться из дивана, скользя попой по поверхности, каждой поло- винкой по очереди. Так она и выдвинула себя на край, причём ей казалось, что делает это она медленно и неуклюже. Ей стало стыдно и за материн бас, и за своё копанье в этом глубоком диване. Но потом она всё-таки выбралась из его недр и поднялась, очутившись перед мужчи- ной нос к носу. Она всегда была невысокая, и когда её глаза оказались прямо на уровне его, то поняла, что и он не отличался большим ростом. Теперь они смотрели друг на друга в упор, и ей было неловко под этими голубыми глазами. Она с трудом оторвала свои глаза, и опустила

взор всё на ту же пуговицу, нахально торчащую у него из-под подбородка, снизу под платком, но руку протянула. Он тут же обнял её руку сразу двумя своими и легонько пожал её, как бы приглашая к знакомству. Её худенькая ладошка пропала совершенно в его тёплых и мягких ладонях, и это ей понравилось так, что она опять подняла на него свои глаза и опять утонула и в их ласковом выражении, и в теплоте его ладоней. Вся её зажатость тут же испарилась, вкравшись в сердце теплотой вот этого пожатия и его таких ласковых глаз. Никто и никогда ещё не смотрел на неё так ласково, так тепло и душевно не пожимал её руку.

– Меня зовут Морис Фёдорович. Я подданный Франции, мои дедушка и бабушка были русскими и после революции эмигрировали за границу, но я очень люблю Россию и живу в Москве уже пять лет. – он пристально смотрел на неё и улыбался и ей, и этим своим словам.

– А меня зовут Анастасия, можно Настя. – выдавила она из себя, но руку из его ладоней не убрала. Она не могла и не хотела прервать теплоту соприкосновения, но и глаза не опустила.

Он повёл её к столу, всё так же держа за руку двумя руками, и усадил в кресло, стоящее прямо у стола, а сам уселся в соседнее. Теперь они сидели друг напротив друга, и он выпустил её руку из своих ладоней, но не убрал этот сверлящий, лаской и тёплый взгляд, под которым она даже ужималась, так неловко себя чувствовала. Ей казалось, что красивое платье, которое с утра ей очень нравилось, и на которое обращали внимание все молодые пассажиры в транспорте, сидело на ней ужасно некрасиво. Причёска, которую соорудила мать совершенно ей не шла и вообще выглядела она жутко и не к этому месту.

– Настенька. Как ты посмотришь на то, чтобы я взялся тебя опекать? Ты бы жила у меня, ходила в хорошую школу, я бы нанял для тебя разных учителей, например, по музыке, и ты бы выросла очень хорошо воспитанной девочкой? Как ты на это посмотришь?

Она обвела взглядом стены с картинами, большую гостиную со старинной мебелью и поняла, что не хочет ехать с матерью в её узкую кухню, напоминающую коридор в детском доме, который шёл вдоль четырёх туалетных закутков. Она не хотела уезжать обратно и готова была пойти на всё, чтобы остаться здесь уже сегодня.

– А когда я могу переехать к Вам? – робко спросила она.

– Да хоть сейчас, девочка моя. – нежно улыбнулся он ей в ответ. – Если ты согласна на мои условия, то прямо сейчас и останешься. Хорошо?

– Хорошо. А какие у Вас условия?

– Я буду тебя кормить, красиво одевать, учить и воспитывать, а ты будешь со мной хорошей девочкой и позволишь мне иногда тебя ласкать ночью. Хорошо?

– Как это – ласкать? Вы хотите со мной спать ночью, как мужчина с женщиной? – откровенно спросила она вдруг, и сама испугалась своих слов.

– Ну, можно и так сказать.

– Мать мне всё уже объяснила. Я согласна с Вами спать.

– Тогда ты сама должна сказать, когда ты готова будешь остаться.

– А сегодня я могу остаться?

– Если ты готова, можешь остаться уже сегодня.

– Тогда я у Вас останусь сегодня. Можно?

– Хорошо. Сегодня ты остаёшься жить у меня и со мной. Тогда я тебя оставляю, а маму мы отпускаем. Ты будешь привыкать к своему новому дому.

– А мои вещи?

– А твои вещи мы оставим у мамы, купим тебе всё новое и красивое. Хорошо?

– Хорошо. – поставила Настя точку своей прошлой жизни и, как потом оказалось, навсегда.

С этого дня жизнь её круто изменилась.

Дедушка, так она назвала Мориса Фёдоровича сразу же, и только сама для себя, действительно оставил её жить у себя дома. Уже вечером он красиво обставил начало их совместного проживания, долго и галантно кормил её прямо с вилки и ложки вкусным ужином, вкусными конфетами из большой и красивой коробки, и даже поил красным вином, но только самую малость, всего один фужер. Ей хватило и этого фужера, для того, чтобы захмелеть и позволить ему унести себя на широкую и красивую кровать. Этот вечер она тоже запомнила на всю свою жизнь. Тогда она поняла, что секс есть произведение искусства, что это не только очень приятно, но может быть и долго, и очень красиво. Она не показывала дедушке, что хорошо знакома с самим понятием секс, что за спиной у неё не один десяток мужчин, хотя и очень молодых, но очень горячих и темпераментных, в отличие от самого дедушки.

Она сыграла весь намеченный матерью спектакль, изобразив глупенькую и наивную простушку, впервые попавшую в мужские объятия. Она даже заплакала, когда ей было немного больно, как в тот, самый первый раз с Женей, и показательно обиделась на дедушку за то, что он с ней сделал, а сама была очень счастлива и довольна собой. Во-первых, потому, что всё это время, которое прожила с матерью, ночами мечтала о прекрасном, молодом мужчине, чувствуя их будущую встречу почти физически, мечтала так откровенно, что уже ждала такой встречи, ждала всем своим молодым организмом, даже хотела её. Во-вторых, потому, что гордилась тем, как смогла сдержать себя и изобразить глупенькую дурочку.

Уже потом, позже, она позволила себе потихоньку раскрепощаться и требовать от дедушки много усердия, особенно в новом для себя удовольствии, к которому дедушка приучил её очень быстро, и которое он называл «французской любовью». Эта «французская любовь» была постоянной с его стороны, но иногда, после многократного упрасивания, она пыталась порадовать и его тем же, но с дополнительным названием «минет». В сексе дедушка оказался очень умелым, но чаще всего это была только «французская любовь» для неё, что Настю очень радовало и устраивало. Его просьбы о любви, о «минете» для него, оказались рычагом управления Настиных прихотей. Каждое желание дедушки о его любимом сладком удовольствии, заканчивалось исполнением её материальной причуды. Так она получала от него все самые дорогие подарки, на которые падал её детский ещё взгляд в тех дорогих магазинах, которые назывались «Берёзками» и куда они ездили еженедельно улаживать её желания, особенно коробками с шоколадными конфетами.

Кроме дедушки и её, в доме появлялась домработница тётя Маша, та самая строгая женщина, в первый день впустившая их с матерью в квартиру. Она убирала в доме, стирала, ходила за продуктами в магазины и готовила. Она сразу всё поняла про странные их отношения и в один из дней, когда дедушки не было дома, устроила ей настоящий допрос на кухне про сексуальные ночные развлечения. Настя старалась ничего не рассказывать, но тётя Маша так умело повела разговор, что, в конце концов, она рассказала ей всё, и как было на самом деле, и про «минет», и сразу же испугалась. Но тётя Маша не ругалась и не обзывала её никак, а просто дала интересный совет:

– Да что ты стесняешься? Все мы бабы такие. Все за деньги готовы с любым старым хрычём. Если уж так получилось, то ты, хотя бы, как можно чаще развлекай дедушку в постели его любимым делом и как можно больше требуй за это денег. У тебя вся жизнь впереди, а наш Морис человек немолодой и смертный. Ты лучше денежки сейчас зарабатывай, пока молодая, и собирай на будущую жизнь. Да не трать попусту, мало чего ещё будет в жизни...

Так Настя ещё раз удостоверилась, что её мать права, что за удовольствие мужчины должны обязательно платить деньги. И поняла это накрепко ещё с тех ранних своих лет.

Ещё она завела в доме тайного друга. Того самого красивого мужчину на портрете, который в первый день смотрел на неё так откровенно и с подмигиванием. В широкой шляпе с пышным пушистым пером, в бархатном камзоле с кружевами по воротнику и рукавам, он был необычайно красив. Он был как настоящий принц! Именно его образ она и приняла в свои

мечтательные детские сны. Каждый день она виделась с ним, пробегая или проходя мимо и по утрам, и по вечерам. Теперь она тоже подмигивала ему одним глазом или показывала язык. Иногда ночами она шёпотом рассказывала ему свои тайны, признаваясь в самых личных своих мыслях и желаниях, стоя босиком на паркетном полу на каждой ноге по очереди, потому что в прихожей было прохладно, и ноги быстро замерзали...

Потом на улице наступил октябрь, и дедушка устроил её в школу. Школа оказалась не совсем близко, и в школу её возил дедушкин водитель Лёня, парень лет тридцати. Лёня ей понравился сразу, потому что был высоким и очень симпатичным парнем, модно и современно одетым, немного развязным в общении и разбитным. Он заезжал за ней в восемь часов утра и вёз прямо к отдельной калитке в заборе. У этой калитки выстраивалась по утрам целая вереница машин с такими же, как она, обеспеченными школьниками. У калитки она познакомилась почти со всем контингентом закрытой спец. школы с французским уклоном, но ни с кем из них так и не подружилась.

Учиться в школе было очень сложно и тяжело, потому что и в обыкновенной-то школе она училась плохо, а в этой новой, где дети оказались и начитанными, и достаточно образованными для её возраста, было особенно сложно. Класс был небольшой, детей спрашивали ежедневно по каждому предмету, поэтому с первых же дней она замкнулась в себе и почти не общалась с остальными ребятами. Ей было особенно сложно, ещё и потому, что одноклассники были моложе её на два или даже три года.

Дедушка следил за её учёбой очень внимательно и ежедневно после уроков звонил учителям. Он сразу же представился её родным дедом и выяснял про успехи с позиции семьи. Так он и понял, что ученица его была малоразвитой девочкой, замкнутой и зажатой с одноклассниками и учителями. Тогда дедушка нанял двух приходящих в дом репетиторов и взялся за её учёбу основательно. Настя с утра и до утра проходила бесконечный процесс обучения. Днём была школа, потом её мучили два молодых учителя, каждый не старше двадцати пяти лет, а ночью дедушка проводил второй курс, курс сексуального воспитания молоденькой, но очень похотливой девочки, которой ночные уроки нравились значительно больше, чем дневные.

Круг третий

Срыв произошёл весной, когда дедушка уехал за границу на целый месяц. Лёня, как всегда, вёз её в школу на машине, но настроения ехать на пытку у Насти не было никакого, и тогда она решила уроки пропустить. Но вот как это сделать, она не знала? Сидела в машине и соображала, что же такое нужно сказать Лёне, чтобы он не повёз её в школу. Тогда она спросила его напрямую:

– Лёня, что я должна сделать, чтобы ты не повёз меня в школу?

Лёня как-то кривовато улыбнулся, подмигнул ей своим красивым глазом с густыми, чёрными ресницами и очень похотливо посмотрел на её колени, торчащие из-под платья. Он погладил одну из них рукой, а потом провёл по всей ноге до самых трусиков, пощекотав мизинцем прямо там, где это особенно приятно и резко развернул машину в другую сторону. Чувство, рождённое в её трусиках его прикосновением, она зажала коленками и молча держала в организме всю дорогу.

Он привёз её в чью-то чужую и большую коммунальную квартиру, завёл в какую-то чужую комнату, которая впоследствии оказалась его собственной, и сразу же бросился раздевать. Она не сопротивлялась ему, потому что, то чувство, которое она выпустила на волю, выходя из машины и разжав колени, требовало удовлетворения. Она покорно позволяла снять с себя вещи. Когда она осталась совсем голенькая, он тоже разделся и тут же потащил её на колченогий, старый диван, дальний родственник её дивана из материной коммуналки. Они набросились друг на друга с одинаковым голодным желанием. Оказалось, что дедушкины ласки только сильно «заводили» её, но слабые возможности не могли до сыта удовлетворить молодой, темпераментный организм.

Весь тот учебный день они занимались только этим, удовлетворением её организма, очень много раз и старательно, потому что оказалось, что ей всё время хотелось ещё и ещё, ещё и ещё...

Домой они вернулись, как ни в чём не бывало, в нужное время, и тётя Маша ничего не заметила, когда кормила её обедом.

Весь месяц дедушкиного отсутствия они приезжали в школу ко второму или третьему уроку, потому что вначале заезжали в Лёнину комнату. Её организм оказался ненасытной акулой, всё время требовавшей удовлетворения, не успевали они перешагнуть порог одинокой комнаты молодого и красивого холостяка, такого же голодного на ласки и желания, но быстрее насыщавшегося ею, чем она насыщалась им.

Дедушка вернулся в положенный срок. Два дня она не ходила в школу, а потом были суббота и воскресенье. Тогда она насыщалась уже от дедушки, но больше материально и вытащила из него очень много денег. Настя завела себе «шкатулку», плюшевого Мишку, куда и прятала свои «заработки» прямо в его мягкий, мохнатый живот, в тайничок. Тайник она сделала почти в тот же день, когда тётя Маша надоумила её про деньги, и теперь старательно складывала туда все свои «французские» заработки. Теперь у неё появилась маленькая страсть. Когда в доме не было никого, она вытаскивала свои «сховы» и по несколько раз пересчитывала их, радуясь будущей возможной независимости.

После приезда дедушки они с Лёней стали придумывать новый способ общения без пропусков школы. И придумали. Настя стала просыпаться на полчаса раньше и потихоньку собираться, стараясь не разбудить дедушку. Утром она надевала форму, но не надевала трусиков, чтобы не тратить на них время. Надевала их она уже по дороге в школу, сидя в машине, после того, как Лёня завозил её на ближайший пустырь. Там он в быстром темпе расстёгивал молнию на брюках, красноречиво улыбаясь, показывал ей свою «большую» готовность, размахивая членом, зажатым в кулаке, пересаживал Настю на колени, спиной к себе и упирал живо-

том в руль. Они в том же быстром темпе предавались своему ненасытному удовлетворению. Настя старалась сдерживаться, но всё равно громко стонала на весь пустырь, а Лёня рычал, как зверь. Он очень сильно «заводился» от её темперамента, о чём и рычал в машине, иногда называя матом то, чем они занимались. Насте это даже нравилось и тоже «заводило» её. Они успевали сделать всё до первого звонка. Утром на пустыре никого не было, даже бродяг. Никто им не мешал.

Так продолжалось до самого лета. Она училась в школе, училась дома с репетиторами, училась с бабушкой, копила денежку, развлекалась с Лёней для собственного удовольствия и заедала всё это шоколадом. Но всему наступает конец. Наступил конец и её вот такой смешной, вольной, сладкой жизни. Ещё в самом начале зимы у неё наконец-то начались болезненные женские дни. Она стала превращаться в девушку, а уже в апреле оказалось, что беременна.

Обнаружил это дедушка, который старательно следил за её здоровьем. Когда в положенное время два месяца подряд у неё не оказалось болезненных дней, дедушка забил тревогу и повёз её к врачам. Вот тогда и выяснилось, что она ждёт ребёнка.

Настю испугала эта ошеломляющая новость, но дедушка был очень счастлив. Оказалось, что он человек одинокий и её беременность давала ему шанс иметь собственного ребёнка. Настя прекрасно понимала, что этот ребёнок не его, но сказать такое дедушке не смогла и не сказала до самой его смерти.

В доме повис вопрос её дальнейшего проживания в новом виде. Маленькая и худенькая девочка, бабушкина внучка, пятнадцати лет от роду, при росте в метр пятьдесят сантиметров и беременная, могла вызвать массу вопросов у общественности и милиции. Дедушка занервничал и стал думать, как повернуть ситуацию и сделать её приемлемой для всех. Подсказку дал ему Лёня. В очередную поездку по делам Лёня завёл разговор о своей холостяцкой и одинокой жизни, об отсутствии любви со стороны знакомых женщин, о своей преданности Морису Фёдоровичу, о готовности сделать для него всё возможное и даже невозможное. И дедушка клюнул на эту наживку. Он решил фиктивно выдать Настю замуж за Леонида, заплатив ему кругленькую сумму, при этом Настя оставалась жить в доме Мориса Фёдоровича, туда же переселялся и Леонид хотя бы на время, необходимое для вынашивания ребёнка и родов. Так они и стали жить в одном доме, сразу втроём. Одна жена и два её мужа.

На их смешную «свадьбу» были приглашены разные люди, могущие поднять волнующий бабушку вопрос. Таким образом, он успокаивал общественность и отводил ей глаза в сторону Леонида. Вечером приехала мать, первый раз за всё это время. Наелась, напилась допьяна и громко пела песни с тётей Машей на кухне почти до утра. Дедушка морщился, но терпел всю ночь и следующий день до отъезда матери.

Он больше не приставал к ней в постели часто, позволяя развлекать только её тело любимым лакомством в виде всё той же «французской любви», именуемой по правильному «петинг». Лёня жил рядом, через стенку, но они не могли себе позволить даже смотреть друг на друга лишний раз.

До самых родов они получили только один недельный подарок, когда дедушка в очередной раз уехал в Париж. Всю ту неделю в квартире никого не было по ночам, и они чувствовали себя настоящей семейной парой, могущей себе позволить устраивать ночные удовольствия с шампанским и сладостями. Она надевала на себя самое красивое бельё, купленное бабушкой в дорогих парижских магазинах и ещё влезающее на её чуть заметный без одежды кругленький животик маленьким смешным арбузиком.

Бельё дедушка держал в отдельном комоде у них в спальне и разрешал одевать только тогда, когда устраивал для себя праздники по собственному желанию. Одни ночные рубашки и пеньюары были длинные, всё в кружевах, и совершенно прозрачные, вторые коротенькие с рюшечками, с кружевными трусиками, с чулками, украшенными по верху тоже рюшками и резинками с бантиками, вырезанные сзади и ели прикрывающие впереди молоденький пушок,

только пытающийся вырасти на её интимных местах. Она красовалась перед своим законным мужем всей этой утончённой изысканностью, а он, как тигр, набрасывался на неё и стаскивал зубами с её тела прозрачные ткани, освобождая его для сладостных утех...

Но неделя промчалась так быстро. Они и глазом не успели моргнуть, как нужно было ехать в аэропорт и встречать дедушку. Опять Настя переоделась в скромное школьное платье, собранное в талии в сборку и прикрывающее её маленький живот до незаметности. Опять начались уроки и в школе, и дома. Опять дедушка ласкал её ногами и опять пустырь принимал их по утрам в свои холодные по весне объятия, с каждым утром становящиеся всё теплее и теплее. В город окончательно пришла весна, а потом и лето, прекратив на время её учебные мытарства.

Летом дедушка перевёз всю свою, так называемую семью, включая тётю Машу, на большую правительственную закрытую дачу. Анастасия никогда не видела таких богатых, больших и удобных дач. Она вообще очень любила лето за его свободу. В детском доме лето открывало простор передвижения по закоулкам зарослей и кустов почти без присмотра воспитателей, а на этой даче позволяла реже видеть дедушку и гулять по незаселённой территории одной в своё собственное удовольствие. Она и гуляла одна, потому что и дедушка, и Лёня днями находились в Москве и появлялись только к вечеру. Живот её рос и рос, и становился большим арбузом, торчащим впереди и мешающим ей передвигаться быстро по разным затемнённым чащобам. Ей нравилось забираться во мрак зелени, наблюдать колыхание теней по взгорку и низкой ложине, собирать луговые букеты, и предаваться в тишине сумрака густых кустов тайным мечтам о своём принце...

К концу дня она даже уставала и встречала своих мужчин на топчане в тенёчке веранды, обложившись коробками со сладким. Они появлялись только к ужину. Лёня соблюдал положенную конспирацию, изображая из себя фиктивного мужа. К концу лета живот вырос совсем большим и вставал вопрос посещения школы, потому что в таком виде ни о какой школе даже и речи не могло быть. Наступивший сентябрь оставил их жить на даче. К концу сентября она должна была родить. Дедушка привёз на дачу врача, который стал жить в мансардной комнате, а по утрам и вечерам прослушивать её живот, мерить температуру и давление.

Родила она в самом конце сентября, двадцать девятого числа нормальную пухленькую девочку, которую тут же назвала именем Юлия, вопреки всяким желаниям своих мужчин и явным, и тайным. Роды прошли, хотя и больно, но на удивление быстро, так быстро, что она не успела толком ничего почувствовать, кроме боли, ни ужаса, ни страха. Уже на второй же день на даче прямо с утра появилась молодая женщина, неизвестно как туда попавшая, которая назвалась Татьяной-кормилицей. Настину же грудь врач очень сильно перебинтовал и запретил целую неделю видеть ребёнка. Дедушка объяснил это тем, что, во-первых, её грудь испортится от кормления, а во-вторых, все дворянские семьи испокон веку пользовались простолудинками для вскармливания своих отпрысков. Так и получилось, что самые первые минуты и дни она не видала своё дитя, не успев понять чувство материнства и привязаться к ней материнским инстинктом.

В начале октября все переехали на московскую квартиру, потому что на даче стало холодно, и ребёнок мог заболеть. С ними переехали и врач, и кормилица, и тётя Маша и они, все трое. Насте было смешно и забавно смотреть на «свою» большую семью. В первую же ночь она сбегала на свидание к своему тайному другу, красивому мужчине на портрете, пожаловаться на свою очень непонятную, но сытую и обеспеченную жизнь.

В старую школу она больше не попала. В середине октября дедушка вызвал её в свой кабинет на «серьёзный разговор», как он сообщил ей сам. Он усадил её в то же кресло, в котором она сидела самый первый день, так же взял её руку в свою, и так же мило стал ей улыбаться. Она вдруг очень испугалась этой его подготовке к серьёзному разговору. Разговор, и, правда, оказался очень серьёзным, потому что дедушка решил отправить её из дома жить и

учиться в интернате. Интернат был очень уважаемый и дорогой, для детей богатых родителей, с хорошими преподавателями, с уклоном в языки по выбору и с постоянным проживанием. На выходные дни она могла, если хотела, а точнее, если он этого хотел, приезжать к бабушке в гости.

От такого предложения она опешила и не смогла в первую минуту ответить хотя бы что-нибудь. Но его решение она не смогла бы изменить, как ни старалась. Она поняла это сразу же по его серьёзному тону, с которым он преподнёс ей своё решение.

Два дня бабушка устраивал ей в доме проводы, вкусно кормил всякими разностями, одаривая деньгами, и позволил себе в постели обладать ею сполна, не зависимо от того, что она после родов не очень-то этого хотела.

Рано утром, сразу после прощальной ночи, ещё не успев уснуть, она сбегала попрощаться к своему незнакомцу с портрета. Пожаловаться на судьбу. Он горестно выслушал её обиды и даже посочувствовал глазами и мимикой всего лица, но помочь ей чем-то, он был не в состоянии...

Вот так и закончилась её смешная семейная жизнь. Прошло совсем немного времени, и вся жизнь её из довольной, сытой и ухоженной, превратилась, вдруг, в страшную и кошмарную...

Круг четвёртый

Интернат, и, правда, был большой и богатый. Ей предоставили отдельную комнату, достаточно большую, светлую и удобную во всех отношениях. Даже маленький туалет был теперь у неё индивидуальный, личный. В комнате стоял шкаф с готовой форменной одеждой, ничего брать из дома, кроме нижнего белья, ей было не нужно.

Дедушка определил её в восьмой класс. Класс был с французским уклоном, с новыми дисциплинами, такими как плавание, верховая езда, теннис, этика, эстетика, танцы и музыка. Он поцеловал её по-отечески в щёчку, погладил по головке, улыбнулся усами и ушел за большую дубовую дверь в ту, другую жизнь. Туда, где осталась её дочь, муж Лёня, тётя Маша, её никчемная мать и совсем маленький кусочек из её красивой, но очень странной жизни.

В интернате всё для неё оказалось сложным. Учителя были на удивление требовательными и переживающими за свою работу. Они мучили её каждый день с раннего утра и до поздней ночи. Теперь она жила в комнате одна, впервые за всю свою маленькую жизнь. Она в полной мере поняла, какое же это счастье жить в комнате совсем одной. За тобой не подглядывали ничьи глаза, можно было уйти к себе в комнату, закрыться на ключ от чужих вопросов и праздного любопытства, и предаваться там своим сладостным мечтаниям, в которых прекрасный принц был, как две капли воды похож на её любимца из портрета.

Связи с внешним миром почти не было целых два месяца. Изредка в интернат звонил дедушка, и ей передавали его приветы, не приглашая к телефону. Мать не появлялась, как будто её никогда и не было, как будто она её когда-то просто приснилась. Лёня тоже оказался по ту сторону забора. В какой-то момент она даже решила, что все её забыли и вычеркнули из своей жизни. Она не обижалась на них. Нет. Что толку обижаться на чужих, в принципе, людей? На её чужую мать? На похотливого старичка, эгоиста до мозга кости? На молодого жеребца Лёню, которому нужно только её тело? На чужую тётю Машу, у которой своя жизнь, свои дети, своя семья? А больше в её жизни никого и не было. Не о подружке же Свете думать ей, и не о Римме Сергеевне? Единственный, кто теперь был вместе с ней, был её Мишка, с плюшевым тайничком внутри. Только ему, теперь, могла она жаловаться на свои горести и беды, только он радовал её собственным содержанием.

Она стала лучше присматриваться к ученикам взрослых классов и молодым учителям, потому что любовь к самому главному удовольствию никак не хотела забыть. Эротические фантазии не давали спокойно спать по ночам, и заставляла уходить в воспоминания на очень приятные темы. В её фантазиях партнёром оказывался непременно всё тот же прекрасный принц. Он случайно встречал её в саду около интерната, красиво знакомился, долго разговаривал украдкой в тени деревьев лунными ночами. Их сплетённые в страстном поцелуе тела, ложились длинной тенью на влажную ночную траву, покрытую предутренней росой, на которую она позволяла, в конце концов, опускать её, всю трепещущую в жаркой истоме, и отдаваться ему до конца, до самого донышка своей души и до последнего вздоха своего тела...

На Новый год дедушка устроил ей зимние каникулы. Он приехал за ней, почему-то, на такси, без Лёни, а дома радовал вкусной едой, шоколадом, прозрачными пеньюарами и французской любовью. Юлю она видела только два раза, потому что расписание у няни было очень строгим и не предусматривало общения ребёнка с посторонними без разрешения дедушки Мориса в неурочное время. Настя не обижалась. Она отсыпалась днями и позволяла дедушке любые вольности ночами, не забывая своего любимого, пушистого Мишку и его тайник.

Каникулы промчались, как один миг и опять дедушка отвёз её сам, и опять на такси, и опять интернат принял её под свой кров. Длинно и монотонно потекло время, медленно приближая тёплые весенние дни. Весну Настя встретила с радостью и надеждой на весенние каникулы и возможность уговорить дедушку забрать её из интерната. Каникулы наступили и

прошли, ничего не изменив в её жизни, независимо от её ночных стараний. Дедушка Морис категорически отказался обсуждать эту тему. Насте оставалось надеяться только на летние каникулы, которые она ждала с огромным нетерпением, утешая себя ночными мечтаниями и беседуя с Мишкой, или со своим любимым с портрета. Только любимый понимал её в ночной прохладе весенних зарослей, только он сочувствовал её несчастной судьбе теми необыкновенными вечерами, которые она проводила в своих мечтах рядом с ним в лунном, загадочном соду..., и Мишка, глядевший всё понимающими пуговками, не опуская глаз и не моргая.

Но однажды, вместо принца, в саду она натолкнулась на Лёню, который обследовал забор вокруг интерната и нашёл в нём лазейку. Вдвоём они быстро и даже как-то лихорадочно обшарили все ближайшие кусты и обнаружили в их зарослях симпатичную очень маленькую полянку. Лёня пытался срывать фирменную форму так быстро и второпях, что разорвал ей платье в талии, но так и не сумел снять его в спешке. Тогда они ограничились только трусиками. Отдавалась она ему, как принцу из своих мечтаний, жарко, страстно и с удовольствием. Наверное, её тело соскучилось по настоящим, напористым мужским ласкам и проникновениям.

После этой неожиданной встречи Лёня стал почти каждый день залезать в сад. Они быстро, молча, и в спешке предавались удовлетворению своих тел. На свидания она бегала, очень переживая, что их могут выследить и донести дедушке, но отказаться от них не могла, так ей нравилась вся эта захватывающая история и с конспирацией, и с быстротой самой близости. Это очень сильно возбуждало её воображение, давая возможность домысливать и украшать деталями их жаркую, запретную страсть длинными, одинокими ночами. Она заранее предвкушала наступающий момент, и к приходу Лёни была настроена на близость до такой степени, что оказывалась во много раз нетерпеливее его.

Учёба у Насти двигалась очень плохо, потому что голова была забита другими мыслями, а тело подогревали похотливые фантазии, отправляя всю учёбу в пустой чулан, который представляла её голова, и в котором гулял только ветер. Учителя сражались за знания очень старательно и рьяно, но ничего не смогли вложить ни в её ум, ни в память, как будто там был выстроен забор, выше, чем в самом интернате.

Ещё через месяц тайных встреч в интернат вызвали дедушку. Она не знала об этом до самой двери в кабинет директора, куда её повела воспитательница. Неожиданная встреча с дедушкой было ей и приятна, и не приятна. Приятна потому, что она вдруг понадеялась, что он её всё же заберёт из интерната навсегда, и приехал именно для этого. Неприятна же, потому, что в кабинете у директора её ругали. Ругали принародно, прямо при всех учителях и при дедушке, за неуспеваемость, за лень, и грозили отчислить совсем. Дедушка с очень серьёзным лицом и тоже назидательно высказывался об учёбе. Она смотрела на него и видела, что ему нет никакого дела до её учебных достижений. Его глаза улыбались всеми морщинками. Когда он подошёл к ней для «родственного» поцелуя в лоб и взял её руку в свою, она поняла, что он очень соскучился по её телу. Большим пальцем своей руки он очень возбуждающе погладил по самой середине её ладошки. Всё Настино тело тут же откликнулось на его маленькую ласку.

Дедушка действительно забрал её из интерната, но только на четыре дня. Забрал не для того, чтобы она повидалась со своей дочерью, а только для собственного удовольствия. Все четыре дня он опять не выпускал её из постели, заставляя часто переодеваться в разные платья и нижнее бельё, в пеньюары и совсем в одни бантики на ногах или талии. Они опять долго и умело предавались любви, доводя друг друга до многократных оргазмов, чем ещё больше возбуждали и тело, и воображение.

После этих четырёх дополнительных дней учёба в интернате совершенно перестала лезть ей в голову. Там всё время сидело только плотское желание, окончательно испортив ей настроение и на учёбу, и на сам интернат. Лёня куда-то пропал и не появлялся больше в саду уже почти месяц, а желание жгло её изнутри каждый день, почти без остановки. Тогда она решила найти для «плотского удовольствия» кого-то в самом интернате и нашла.

Это был ученик десятого класса, почти взрослый парень, звали его Слава, был он невысокого роста, весь сбитый и крепкий, потому что занимался боксом и хотел стать профессионалом. Он и раньше поглядывал на неё с очень понятным для неё желанием, но она отворачивалась и не давала повода подойти к ней для знакомства. Но, в какой-то из дней, подошла к нему сама и позвала погулять в саду. Они бродили по аллеям и разговаривали ни о чём, пока она потихоньку не завлекла его в знакомые заросли. Там они вначале долго целовались, она не позволяла своему телу наброситься на него сразу, как оно этого хотело. Она старалась соблюсти хотя бы какие-то приличия, поэтому позволила ему после обычных поцелуев в губы целовать её в шею, грудь и даже соски. Она сама с трудом дождалась, когда он перешёл, наконец-то, непосредственно к обладанию её тела. Всё произошло скомкано и неинтересно, на холодной весенней земле, потому что он ещё очень плохо понимал и знал её, но темперамент в нём чувствовался мощный, и это давало надежду на будущее.

Это будущее началось завтра же. Он был очень нетерпелив. Они стали назначать свидания ежедневно прямо на поляне в кустах, не разрешая себе вместе гулять по саду. Секс с ним проходил очень мощно и бурно, совершенно не так, как с дедушкой или Лёней. Она поняла, что есть такое это молодое и сильное мужское тело, которое в самом соку и полно настоящего плотского желания для полного удовлетворения и её, и его самого. Ей очень нравился этот интимный, тайный процесс. Она могла бы заниматься им с раннего утра и до глубокой ночи, но были ещё и уроки, которые отнимали и время, и силы. Так прошло ещё два месяца, но потом наступили летние каникулы, и тайные встречи пришлось прекратить...

Первый год учёбы в интернате состоял из воспоминаний между дедушкой, периодически забирающим её «домой» на каникулы или «неделю», горячими объятьями Славы украдкой и появившимся Лёней. Как-то он приехал за ней в очередные выходные дни, но вместо того, чтобы отвезти к бабушке, привёз к себе в комнату. Оказалось, что вначале дедушка Морис отправлял его в длительную командировку на дальний север, в город Салехард, где он подхватил простуду, а потом у него было воспаление легких, и он с трудом выкарабкался из болезни за почти два месяца.

Так что учёбы, как таковой, у неё в интернате так и не было. Обладания её тела тремя мужчинами по очереди учёбой назвать было никак нельзя.

Лето они опять проводили всей семьёй на даче. Ночью она спала с дедушкой в их общей спальне, а днём умудрялась убежать подальше от дома и любить в кустах с Лёней. Так продолжалось почти полтора месяца, а потом произошёл ужас. Лёня уговорил её заняться сексом в спальне днём, потому что тётки Маши в доме не было, няня гуляла с Юленькой в саду, а бабушку с раннего утра увезла по делам правительственная «Чайка».

Там их дедушка и застал. Он страшно ругался, топал ногами, два раза ударил её по щеке, а Лёню выгнал с работы. Отношения их сразу же испортились. Дедушка переселил её в детскую комнату к Юленьке, запретив появляться в остальных комнатах, включая гостиную и веранду. Девочке был почти год, кормилицы у неё уже не было, была только няня Оля, молодая женщина лет тридцати. Она жила в соседней комнате, из детской к ней вела отдельная дверь. Эти две комнаты и были территорией её проживания.

В конце июля дедушка уехал в командировку почти на три недели. В доме остались одни женщины. Она спала в их общей спальне, в кровати одна и опять предавалась плотским мечтам о любимом мужчине в кружевном воротнике. Дедушка должен был вернуться из Парижа только в конце августа. Всё это время она чувствовала себя вольным человеком, но в один прекрасный день, перед самым приездом бабушки, на даче появился Лёня и уговорил Настю убежать от деда «к чёртовой матери», прихватив игрушку Мишку и бросив ему на временное попечение Юлю.

Круг пятый

Семейная жизнь её была очень неожиданной и страшной. Правда, начиналась она очень красиво. Первые месяцы они валялись в кровати, вылезая только для того, чтобы поесть. Готовить ни она, ни Лёня не умели и жили на шампанском, государственных пельменях, бутербродах и шоколаде, украшенных охапками цветов по всем углам, жаркими ночами и поцелуями по утрам. Дедушка их не беспокоил и не разыскивал, как будто они его больше не интересовали. Эта красивая жизнь тянулась ровно столько, сколько сбережений у Насти на неё хватило. Всё что она накопила за время богатой и сытой жизни, получая у дедушки за французские шалости, они как-то очень быстро проели и пропили. Уже к началу первой же в их жизни зимы оказалось, что деньги закончились и надо их каким-то образом зарабатывать.

Лёня стал искать работу. Работу он искал не очень долго и уже к Новому году работал в личных водителях у толстомордого чиновника. Не успели они дожить до первой полочки, как чиновник без всякого объяснения уволил Лёню буквально за один день. На следующую работу он устраивался уже два месяца и опять проработал только месяц. Анастасия злилась на него за плохую исполнительность, уговаривала и заставляла быть услужливым и покладистым. Но ничего не помогало. С отсутствием работы и денег у них наступила очень голодная жизнь, украшенная упрёками и руганью. Лёня стал пропадать днями из дома, мотивируя свои отсутствия поисками работы, приходил опять и опять без копейки денег, но почти регулярно под градусом, а Настя от безысходности почти не убирала в доме и днями валялась на кровати обиженная жизнью.

Однажды он пришёл очень сильно пьяный и особенно злой. Он принёс бутылку водки, которую они выпили вдвоём, после чего первый раз в их маленькой жизни они разругались вдребезги, и Лёня очень сильно избил Настю. Зацепкой оказалась грязь, в которой они жили. Сначала он бил её кулаком, потом бросил на пол и стал пинать ногами в ботинках и кричать:

– Ты, ленивая сучка! Ты ничего не умеешь, только ноги растопыривать! Ты даже убирать и готовить не умеешь! Ты хотя бы сральник почистила! В доме вонь, войти нельзя! Я мучаюсь, пытаюсь найти работу, а ты только в кровати валяешься! Доволялась! Поздравляю! Всё кончено! Ты испортила, таки, мою молодую жизнь! Если бы ты не подсунула под меня своё красивое и похотливое тело, я бы нашёл нормальную бабу и зажил бы с ней нормальной человеческой жизнью! А теперь ты всё испоганила окончательно, потому что Морис поставил на мне «табу» и меня никуда на работу больше не возьмут. Никогда! Такая у него месть за всю эту катавасию...

Настя жалась в угол, сидела на полу и тряслась от страха всем телом. Её никогда ещё не били так жестоко и унижительно. Она плохо понимала, при чём тут дедушка, но ей было очень больно и обидно. Она действительно интуитивно чувствовала, что во всём виновата одна.

Потом сцены ужаса стали повторяться почти регулярно, с завидным постоянством она слушала про себя все обвинения, какие только могли появиться в Лёниной голове. Она бы с удовольствием ушла, куда глаза глядят, но у неё за душой не было ни копейки денег, а к дедушке возвращаться она боялась. Так медленно, но верно стала надвигаться весна. Весной произошло очень выдающееся событие. Их старый дом, почти в центре Москвы, на Колхозной площади, решили сломать. Им давали отдельную однокомнатную квартиру. Квартиру им давали за городом, в новостроящемся городке Одинцово. Почему Лёня согласился на такую квартиру, она не знала, да у неё никто и не спрашивал, потому что эту комнату он получал самостоятельно, ещё до её появления в его жизни. Правда, теперь получали жильё они уже на троих, потому что ещё после их официальной свадьбы Лёня прописал её, а потом и ребёнка в свою комнату, как жену и дочь.

После переезда всё покатилося кубарем. В старой квартире были соседи, Лёня старался сдерживаться и громко не кричать, теперь же наступил полный рай для него. Он распоясался окончательно. Он бил её каждый вечер, часто головой об пол или стену, потом страшно и противно насиловал так, как считал нужным, таская за волосы по полу и приговаривая при этом:

– Ну, чтооооо, сучка! Нравится? Как я тебя удовлетворяю? Так? А? Так? Таких сучек, как ты, надо драть только вот так грязно и много. – приговаривал, а сам бил и по лицу, и по голове, и по всему телу кулаками и очень больно.

Под утро она часто теряла сознание и всегда плакала, а он опять и опять приставал всё с тем же дурацким вопросом:

– Ну, что? А сегодня я тебя удовлетворил или нет? Твоё голодное тело не сможет даже рота солдат удовлетворить! Блядища!

От того периода у неё сохранился нервный тик на лице, который проявлялся только тогда, когда она начинала нервничать. Тогда она начинала заикаться и чуть дёргала всем лицом. Уже позже это стало перетекать в приступ. Приступ проходил очень бурно, она теряла сознание и билась головой об пол с пеной у рта. Приступы свои она помнила плохо и знала только по рассказам, но последствий боялась всегда. Последствиями были трёхдневные страшные, до рвоты, головные боли.

Однажды в самом конце весны он привёл в дом двоих мужиков с закуской и водкой. Они выпили очень много и Настю напоили тоже. Напоили очень сильно, до состояния головокружения. Тогда она первый раз в жизни была такая пьяная. Такая пьяная, что плохо понимала, что происходило вокруг. А всё что происходило вокруг и происходило с ней, было похоже на кошмарный сон. Они занимались сексом все вместе, вчетвером, или втроём, или все по очереди, почти трое суток. Они раздели её донага, хвалили её молодое и ядрёное тело, заставляли одевать прозрачное дедушкино бельё, часть которого Настя прихватила с собой, показывать стриптиз, цапали за грудь и ноги, гладили по заднице, периодически мазали её тело мёдом во всех местах, все трое облизывали, дико хохоча, в то время, как один из них был в ней, а Лёня опять приговаривал:

– Наконец-то тебя мужик до сыта удовлетворит, если не я сам, то уж втроём-то мы удовлетворим! Постараемся! Да? Мужики? Удолбаем тёлку?

– Конечно, удолбаем! Постараемся! Хоть все сразу, а хоть и по очереди! – пьяно ржали в ответ мужики прямо ей в лицо, противно разевая рты, и похотливо высовывая языки.

Сказать, что ей было противно, она не могла. Ей даже понравилось демонстрировать своё тело, слушать комплементы, позволять сразу трём мужчинам трогать её интимные уголки и доставлять плотское удовольствие, во всяком случае, её тело было действительно удовлетворено, но ей было очень обидно за Лёню, к которому привыкла и относилась хорошо, почти как к настоящему мужу. Она не ожидала тогда от него такого предательства. Но внутри её самой особенного дискомфорта не было, хотя трое мужчин сразу были у неё тогда впервые. Может быть, это было от того, что с самых своих двенадцати лет она знала, что такое мужчины и относилась к сексу, как к еде или к туалету. Она думала, что это и должно быть, потому что её телу было очень приятно и не противно. К концу третьего дня ей даже понравилось, и она сама стала принимать деятельное участие в общей свалке вокруг своего тела, разбудив фантазию и стараясь подзадорить их всех..., но мужчины должны были уже уходить.

Их имён она, конечно же, не помнила, но ту самую первую сумму, которую они заработали через её тело, она запомнила навсегда. По тем временам это было много. Это была зарплата человека за целый месяц работы. Ей заплатили двести рублей.

С этого момента Лёня перестал искать работу и бить её. Он опять стал любить её тело, нежно гладить перед сном, и приговаривать по утрам:

– Рабочий инструмент трогать руками нельзя, а тем более ногами, его можно трогать только членом.

Они опять стали жить сытно и в достатке. В холодильнике всегда было полно еды и питья. Тогда же в её жизни появились первые пробы курения наркотиков. Лёня стал приносить домой травку и вечерами они «забиваликосячка».

Он днями занимался поисками клиентов, приводил почти ежедневно одного, двух, или трёх мужчин. Они замелькали перед её глазами длинной бесконечной вереницей почти на три года.

Это случилось уже тогда, когда ей исполнилось восемнадцать лет и надвигалось девятнадцатилетие. Однажды Лёня пропал. Его не было дома почти пять дней, а потом приходила милиция, и её возили на опознание трупа. Лёню нашли на пустыре с пробитой головой и даже без документов. Она хоронила его без единой слезинки. Просто совершила процесс захоронения и всё. Никто не пришёл на панихиду, кроме голодных соседских старушек, которые всегда знают, где кого хоронят. Родителей на похоронах не было. Настя не знала где искать его родителей и есть ли они вообще? Она не знала, потому что никогда ничего о них не слышала, а друзьями он так и не обзавёлся за свою короткую жизнь.

Так она осталась одна.

Жить за городом было очень неудобно. Она занялась обменом на большую площадь с доплатой. На обмен ушёл почти год. Он съел все сбережения от её постоянной, ежедневной, грязной работы. Всё что осталось после похорон. Переехала она на проспект Мира в небольшую двухкомнатную отдельную квартиру и опять занялась привычным для себя делом, предварительно объехав все известные ей злачные места в поисках своего места среди таких же, как она, желающих продать своё тело. За эти последующие годы она насмотрелась всякого. Даже что такое «субботник» было ей очень хорошо знакомо. Правда, после пары приступов в гостях у бандитов, они старались её на субботники не брать, боялись связываться с «дефективной». В этом ей хотя бы частично везло, в отличие от остальных «товарок».

Чуть позже, уже в двадцать один год, жизнь свела её с одной из таких же жриц любви, как и она сама. Звали её Тамара. Она была чем-то похожа на Настю, такая же миниатюрная и чёрненькая, только её пышные волосы, ярко и броско разбросанные по плечам, завивались сами в густые локоны. Они как-то быстро сдружились и стали вместе заниматься древнейшей своей профессией, подстраховывая друг друга от плохих клиентов, способных на любые действия с бессловесными, ничем не защищёнными женщинами, самого низшего социального слоя, которыми они и являлись на самом деле.

Тамара была из древнего грузинского рода, многие десятилетия занимающегося колдовством, заговорами, приговорами и ещё всякой потусторонней ерундой, с точки зрения Насти. Но Тамара стала учить её некоторым древним заговорам и присухам на мужчин и Настя вдруг поняла, что эта схема тоже работает и достаточно действенно. Тогда она и увлеклась потусторонней мистикой и стала добывать литературу для дальнейшего изучения и использования, потому что пару древних заговоров показали ей страшную возможность древней мудрости.

Был у неё один почти постоянный клиент, который особенно часто старался получить за деньги именно её, как бы она не отнекивалась, и не пряталась. Он привозил её к себе в квартиру и издевался всю ночь жутко и неприятно, как-то по-кладбищенски. Обращался с ней, как с покойником. Он надевал на неё чёрный монашеский балахон с разрезами до талии снизу по всем четырём сторонам. Впереди балахон украшал глубокий вырез под грудь, так, чтобы вся грудь была у него на виду, выступая из черноты материала белыми холмами. Он напивался водки и накуривался травки, заставляя и Настю покурить с собой для «кайфа», после чего гонял её плёткой, легонько хлестая по мелькающим из чёрного плаща местам, по всей квартире, заваливая прямо на пол там, где настигал. Позы его устраивали только самые экзотические. Именно для этих поз он и придумал такое одеяние, удобное во всех его фантазиях. Под

конец он загонял её в настоящий гроб, который стоял в одной из комнат на подставке из трёх табуретов. Там он заставлял её отдаваться, стараясь кусать и в грудь, и в шею, изображая из себя вампира. При этом он надевал на свои зубы протез с двумя выступающими резцами и иногда кусался очень ощутимо, оставляя на шее и груди красочные синяки. Продолжалось это почти полгода. Он очень хорошо платил, и Настя терпела. Но, в конце концов, Насте надоела эта кровавая история. Как-то она пожаловалась об этом Тамаре.

Тамара устроила для неё ночной, показательный, чёрный ритуал с волосами клиента и бабушкиными заговорами. После той ночи, пробравшей даже Настю до самых косточек своей жутью, она не видела больше своего истязателя. Уже значительно позже она узнала, что буквально на следующий день после их ночных заклинаний клиента сбила насмерть машина. От этой новости у неё самой волосы на голове от страха зашевелились, она поверила в необыкновенные возможности заговоров и уже всерьёз увлеклась древней магией. Настя приобрела массу литературы, училась заговорам у Тамары, и даже окончила курсы магии, у известного экстрасенса Раисы Рык. В конце концов, и она стала применять заговоры в жизнь. Особенно хорошо получались у неё заговоры в состоянии транса после косячка. Вот тогда она сама стала верить в свою необычайность и способность защиты своего несчастного женского естества.

Дальнейшие годы состояли из бесконечных мужских лиц, стоящих длинной чередой к её сладкому и такому вечно голодному телу, много выпитого спиртного и выкуренных косяков, к которым она потихоньку пристрастилась окончательно, никому об этом не распространяясь. Она поняла, что должна официально работать хоть бы на какой-нибудь работе. Настя стала работать в удобной, для своей основной и любимой профессии, сфере обслуживания. Начиная она в захудалой гостинице «Турист» на ВДНХ обыкновенной уборщицей, но постепенно передвигалась ближе к центру и поднималась в должности, пока не «доросла» до дежурной.

У неё оказался врождённый вкус к вещам, поэтому она стала одеваться модно и стильно, стараясь покупать вещи дорогие, но качественные. Работе помогало и то, что в своё время в интернате её учили языкам. Ей было проще общаться с иностранцами на том, бытовом уровне, которым она хоть и плохо, но владела. Постепенно её словесный запас пополнялся от постоянного общения. Её очень удивила эта способность к языкам, молниеносность запоминания слов, которых раньше за собой не замечала. Теперь, ей было очень жаль, что в интернате не смогли заставить и развить, оказавшуюся тоже врождённой, жажду знаний, потому что она пристрастилась и к книгам. Она понимала, что современная девушка должна быть всесторонне образованной. Да и дедушка что-то заложил, как в манере поведения в обычной жизни, так и утончённость, и вкус в сексе.

Так постепенно стал складываться свой стиль и свое отношение к собственному телу, как орудию добывания денежных средств. Она завела себе постоянного гинеколога и стала ходить по модным салонам. Она следила за своими манерами, своим здоровьем, за кожей своего лица, за правильным макияжем и добротной обувью.

Три года тому назад её разыскала мать. Оказалось, что дедушка умер, оставив Юле всё своё состояние. Теперь нужно было забирать и Юлю, и всё из квартиры, освобождать государственное жильё. Вещей в квартире было много, но мать тут же положила на всё свой глаз, распределяя вещи, что на продажу, а что себе. Настя поняла, что в планы матери она никак не входила. Мать как будто бы забыла о её существовании. Она бы и не вспомнила о Насте, если бы не ребёнок, на самом деле никому не нужный, но общий. Делёж имущества был безобразным. Мать ругалась с ней из-за каждой вещи, включая всякую мелочь. В конце концов, ей досталось совсем мало, кое-что из мебели, совершенно не нужные матери книги, которые она отдала с удовольствием, немного денег и драгоценностей, её собственные носильные вещи, которые дед старательно сберёг и два портрета. Очень пожилой матроны, и её любимого мужчины с кружевным женским воротником. За этот портрет она торговалась с матерью почти два месяца! Результатом торга оказалась её полная свобода и дочь, переселившаяся к Клавдии

Пантелеевне. На полученные от дедушки, и от продажи мебели и картин деньги, мать купила себе двухкомнатную кооперативную квартиру в городе Королёве, в большом новом доме. В Москве с квартирами тогда были большие проблемы. А Настя получила хорошую библиотеку и своего старого друга, к которому когда-то бегала босиком в коридор поплакаться на свои детские, взрослые обиды. Вот кому она была безумно рада. Долго носила портрет по квартире, пока не нашла места, откуда он был виден с любой точки окружающего пространства. Теперь они жила в квартире вдвоём. Она и её любимый принц из детских мечтаний.

Вот так и получилось, что к своим двадцати четырём годам на свет белый была произведена путём долгих мытарств и унижений, опытная, красивая, холёная женщина с собственным самомнением, звериным темпераментом и железной хваткой одинокой волчицы в поисках своего куса счастья, своего логова для красивой, обязательно холёной, богатой и удобной жизни. И ещё она помнила, что у матери на этом свете есть её дочь Юля, почти девяти лет от роду, которую, в конце концов, она должна будет забрать, как только её личное логово будет окончательно готово.

В это слово – логово, она вкладывала очень широкий смысл. В нём она непременно рисовала себе принца, похожего на портрет на её стене, который будет её дочери прекрасным отцом...

Сергей

Она прошла по проходу между столиками и уселась на своё постоянное место недалеко от эстрады, на которой гордо восседали «лабухи», музыканты в количестве пяти человек. Она их знала очень хорошо, потому что уже давно в этом ресторане все перемешались телами, и официанты, и музыканты, и кухня, и они в том числе. Каждый из них был ей очень хорошо знаком каждым кусочком своего тела. Она помахала им приветственно рукой.

За столиком сидело трое «девушек». Тамара и ещё две постоянно «работающие» в «Пекине», Ира и Лариса. Последнее время они почти всё время оказывались за одним столом с ней и Тамарой, но самой Насте они не очень нравились, хотя были красивыми и холёными «тёлками» с длинными ногами и кукольными личиками. На их фоне Настя и Тамара были миниатюрными малышками и поэтому шли вторым номером, когда Иру и Ларису уже уводили. Но устраивать разборки с «мамочкой» она не хотела, потому что это были её протеже, и терпеливо переносила двух красивых, но глупеньких, с её точки зрения, дурочек рядом со своей персоной. Она кивнула им головой и обратилась к Тамаре:

– Привет. Ты здесь уже давно?

– Да нет. Где-то минут двадцать. Я уже всё заказала нам на стол.

– Как сегодня клиентура?

– Да пока ничего путного не видать. Только наши козлы. Фирмачей двое, но они со своими самоварами.

– А ты хорошо проверила? Может это переводчицы?

– Может и, правда, переводчицы. Ты сама посмотри попозже, они сидят вон за той колонной. – Тамара указала на третью колонну по проходу.

Из их дуэта золотой глаз профессионалки был у Насти, потому что опыта было больше, да и умом Бог не обидел. Тамару на панель «выбросило» только два года тому назад, когда нормальная семейная жизнь дала трещину, «подогретую» Перестройкой ещё в Тбилиси. Пришлось перебираться в Москву. Средств к существованию не оказалось никаких ни в то время, ни в перспективе. Они познакомились буквально сразу же, как только Тамара оказалась в кругу «жриц любви» и сразу же нашли общий язык. Тамара была хотя и не очень далёкой, но похожей на Настю каким-то своим, внутренним восприятием жизни, мнением и жизнестойкостью. Они были как душевные близнецы, внутренне поделённые однойцевые личности, похожие не столько внешне, сколько внутренне. Даже темперамент у Тамары был такой же жгучий и необузданный, темперамент «голодного зверя».

Наконец-то у Насти появился человек, с которым она могла обсуждать свои внутренние ощущения, и оказалось, что эти ощущения целиком совпадают с Тамариными. Её тело было такое же ненасытное к мужским ласкам, поэтому и «вынесло на панель» в «свободную любовь» без особенных моралей со стороны собственной совести.

Эти душевные беседы, которые они вели в основном по утрам, тогда, когда Тамара ночевала у Насти после совместных «походов», окончательно успокоили её.

– Наверное, моя мать права. – решила Настя. – мужчина нужен в жизни только для обеспечения женщин средствами к существованию. Он обязан за всё платить, а совесть это вещь для свалки и в жизни, особенно моей, малопригодна.

Раньше у неё никогда не было подруг из обычного человеческого общества, живущего своими семейными законами, да ещё и замужних по настоящему, поэтому задушевные открытия Тамары открывали ей глаза на весь бытовой мир обыкновенных взаимоотношений. Действительно, получалось, что замужние женщины при ближайшем рассмотрении могли быть такими же жадными на ласки, как и она, если бы их не «заедал» быт и испокон веку сложившееся мнение о греховности сексуальных отношениях внутри семьи. Наверняка в каждой спальне

по ночам происходило то же самое, что и у них, «на панели», только темперамент и оплата разная. Они получали одноразовое вознаграждение, а замужние женщины были на постоянной оплате. Постоянное всегда надоедает, как стенка в совдеповской гостиной, которая стояла не только незыблемой основой материального положения семьи, но и воздвигалась как «Большая Китайская стена» между супругами. Именно от обыденности, именно от неё, этой стенки, и бежали женатые мужчины за «развратом», пытаясь скрасить скуку семейной жизни «сладеньким» и запретным. Эта мысль укрепляла её в размышлениях о нужности её профессии. Она поняла, те женщины, замужние дамы, которые всегда прикрывались порядочностью и лживыми добродетелями на самом деле такие же, как и они, девушки «лёгкого поведения». Им мешало стать раскрепощёнными извечное «а что скажут люди»? Именно поэтому они отодвигали от себя соблазн познания «запретного плода» и принятие телесных удовольствий, как должное. А может быть, всё дело было в том, что их некому было раскрепостить в постели? Разбудить? Они принимали материальную оплату на «постоянной основе», не отдавая весь жар желания своего тела собственному мужу. Не отдавали, потому что не разбужены. Или из-за собственной недалёкости, стесняясь плотского порыва своего Я? Может быть, именно поэтому они старались не показывать своим мужьям родившегося желания, если таковое и появлялась в их пуританских головках, прячась за семейную перегородку обязательных отношений, но... НО часто, спекулируя сексом в своей семейной жизни, как это делала она с бабушкой в своей ранней молодости. Так что главным в семейной жизни оказывалась опять же «оплата сексуальных услуг»!

Эти обрывочные мысли мелькали в её голове, а вечер шёл своей привычной чередой. Они сидели за столом, ели салаты, пили из водочной бутылки газированную воду, настоящее шампанское, изображали порядочных девушек, скромно сидящих в ресторане, а сами стреляли глазами по соседним столикам в поисках спроса, выставив себя на полное обозрение, опять же в поисках предложений. И предложения посыпались. Ларису и Иру увели танцевать и не привели больше за их столик, можно было и им начинать рабочий вечер. Настя решила проверить вначале фирмачей за колонной и отправилась туда. Заодно она решила пройтись по залу, себя показать и по сторонам посмотреть, определив количество «коллег по работе», девушек за столами. Не могло быть такого, чтобы в той, соседней половине ресторана не было её товарок. В субботний вечер все столы в ресторане всегда были заняты, а сегодня угадывался полный аншлаг даже её, плохим зрением.

Она два раза прошла вдоль столиков, томно и медленно поводя плечами и бёдрами, старательно рассматривая прищуренными, близорукими глазами, сидящий за столами контингент. Товарок видно не было, но из-за одного из столиков поднялся молодой человек и тут же заинтересованно направился в её сторону. Он был высокий, симпатичный, такой же, как и она черноволосый, черноглазый и, как ей показалось с первого взгляда, не совсем русский. Что-то в его взгляде было ей очень знакомым, может быть даже родным, близким, но что именно она поняла не сразу. С первого взгляда глаза были самыми обыкновенными. Глаза как глаза, хотя и очень привлекательные. Но что-то в его глазах очень сильно возбудило её интуитивное любопытство. Из-за близорукости она не могла рассмотреть его лучше, поэтому прищурилась. А молодой человек шёл ей навстречу.

Может он идёт ко мне? – подумала Настя и тут же остановила себя. – Нет. Он ведь может идти и по своим делам?

Она опустила голову и пошла дальше. Когда прямо перед ней остановились чьи-то ботинки, и прозвучал вопрос, Настя даже вздрогнула:

– Девушка, вы не меня случайно ищите, ааа? – весело, и как-то, очень радостно, сказал молодой мужчина, кому принадлежали ботинки, остановившиеся прямо перед ней. Это был именно он, тот, на ком задержался её взгляд.

Она тоже медленно остановилась напротив и так же медленно подняла на него свои тоже красивые, чёрные глаза, всё ещё щурясь близоруко, чтобы лучше рассмотреть. Она делала так всегда. Вначале она стеснялась рассматривать мужчин так откровенно, как сейчас рассматривала его, но Тамара сказала ей, что со стороны это не смотрится как откровенное разглядывание и действует на мужчин очень возбуждающе. Ещё она знала, что при знакомстве всегда нужно держать паузу, и это действует ещё более возбуждающе. Поэтому она задрожала ресницами на его откровенный взгляд и затянула паузу, давая ему возможность рассмотреть себя получше. Паузу она держала ровно столько, сколько и положено, пару минут, после чего зарделась лицом и, опустив ресницы, тихо сказала:

– Ну почему вы решили, что я должна искать непременно вас? Я ищу подругу, но её что-то не видно. Она пригласила меня на день рождения.

– Ой! А у нас тоже день рождения! Может быть, вы присядете за наш столик? Неудобно очень красивой молодой женщине ходить по залу просто так. Вы присядете к нам, а когда ваша подруга появится, вы к ней пересядете. Правильно? – опять как-то радостно и торжественно сказал парень.

Она сразу же определила, что его откровенное предложение продиктовано наивностью и даже немного удивилась. В современной действительности трудно было найти наив не знакомый с ресторанными нравами. Парень был явно не из ресторанного мира и, судя по всему, ничего не понимал в девушках свободных взглядов. Это ей показалось до любопытного забавным. Она подумала, – если «фирмачи» действительно заняты, она, пожалуй, согласится на предложение этого парня. Может быть, он из новых богачей. Сейчас разобрать было очень сложно, уж больно много их появилось в ресторанных стенах в последнее время.

– Может быть, я и соглашусь на ваше предложение, но вначале я должна обойти весь зал. Если моей подруги ещё нет, я подойду к вам. Вы согласны?

– Мы согласны! – радостно улыбаясь, выпалил он, и тут же как-то элегантно подхватил её под локоть и предложил. – А можно я буду Ваши «сопровождающие лица»? Свита.

Они мило продефилировали мимо «фирмачей». Она увидела – они действительно пришли со своими девушками из того, другого мира, в который она так стремилась. Это были цивилизные, холёные красавицы из-под папиного крылышка, она определяла их сразу же. В министерствах было очень много чиновников имеющих дочерей, а Перестройка родила столько же «новых русских» с набитыми кошельками и такими же дочурками, которых нужно было «пристраивать» замуж. Последнее время в ресторане стали всё чаще появляться вот такие папины дурочки и, как правило, или с «фирмачами», или с очень ухоженными русскими мужиками, «укомплектованными» деньгами под завязку. Делать рядом с ними сегодня было нечего, и она опять остановилась посреди зала и опять подняла на своего сопровождающего трепещущие ресницы:

– Пока, я её, что-то не вижу. Может быть, действительно, нам пойти за ваш столик?

– Конечно! Пойдёмте.

Он увлёк её прямо к столику, чуть согнувшись в талии в её сторону, не выпуская руку, которой она держала его под локоть, а даже как бы задерживал её, положив сверху свою и нежно поглаживая, как это делал когда-то дедушка Морис. Насте это очень понравилось и сразу же родило глубоко внутри её Я тёплое ответное чувство комфорта и защищённости.

– Меня зовут Сергей. – сказал он ей очень мягко и ласково почти на ухо. – А вас?

– А меня Анастасия, можно просто Настя. – скромно ответила она, ещё раз затрепетав ресницами и стараясь подхватить его нежную интонацию.

– Какое красивое имя! Царское! Оно мне всегда нравилось. У меня ни одной знакомой Анастасии ещё не было! – сказал он, теперь уже улыбке передав теплоту своего голоса, отчего глаза его заблестели, а улыбка получилась очень красивой и нежной.

За столом, за который они уселись, оказалось человек двенадцать. В основном это были солидные мужчины и две полные дамы, похожие на обыкновенных жён. Сергей усадил Настю на стул и взялся на ушко знакомить со всеми. Её близорукость не позволила ей в тот первый момент, когда он остановил её в проходе между столиками, определить состав сидящих за столом мужчин, но сейчас она находилась в их кругу и рассмотрела всех вполне откровенно и понятно для себя. Компания представляла из себя очень интересное зрелище. Это был набор случайных, никак не подходящих друг другу людей.

Две степенные дамы и двое парней, включая Сергея, были похожи на вполне нормальных людей, а все остальные были явно «голубые». Она всегда старалась держаться от них подальше, не вступая в дружеские отношения. Эти были не ресторанные «голубые», которых она знала наизусть, эти были из «новых русских» или чиновников, имеющих жён, детей, и тщательно скрывающих от окружающих свои интимные страсти. Они позволяли себе развлекаться только на стороне и по собственной прихоти. Поэтому, неизвестно почему оказавшиеся между ними две дамы, смотрелись здесь совершенно неуместно. Было непонятно, как и зачем они попали за стол? Но если бы это и были жёны, то это было бы даже дико и пошло. Значит, это были коллеги по работе, которые, может быть, и догадывались о тайных страстях мужчин, но не обсуждали это вслух, тем более в кругу именно этих мужчин. Такие женщины или просто всегда молчат, или делают вид, что ничего не замечают.

Опять двойная мораль нашего гнивающего общества. – подумала Настя. – когда все всё видят, но делают вид, что на свете ничего такого нет и быть не может, прикрывая своим молчанием самый обыкновенный разврат тел и душ. – А нас наверняка презирают и ненавидят...

Странно, что именно сейчас она оказалась за столом, целиком расцветшим голубым цветом разврата, цветом «конкурирующей» ей части общества, хотя и мужского.

Она не понимала «голубых». Она считала, что Бог не создавал на свете белом таких неполноценных мужчин или женщин. Он создавал конкретно Еву-женщину и Адама-мужчину. Ни гермафродитов, ни лесбиянок, ни педерастов он не создавал. Наверное, это был сбой в генной структуре Божьего деторождения. Брак. Она не любила их ещё и потому, что они были постоянной конкурирующей командой в «уличном бизнесе», где она продавала своё тело, так же как и они. Хотя, на любой вкус – любые предложения...

Долгая жизнь на самом дне позволила ей вызубрить наизусть одно золотое правило: никогда не высказывать вслух своих мыслей и мнений, держать их при себе. Не высовываться! Поэтому она сделала вид, что ничего не поняла, переключив всё своё внимание на Сергея. Стала рассматривать его совсем откровенно и вблизи. Он не производил впечатления «голубого», она поняла это интуитивно и мгновенно, с самого первого взгляда. Это был самый обыкновенный парень, в ресторане таких называли «лохами». Он был из этой, новой жизни. Вполне возможно, что и из тех самых, новых, которые последнее время всё чаще и чаще покупали её услуги и швырялись деньгами почище фирмачей. Это бы её устроило, потому что расходная часть её была с трудом сходилась с доходной. Дорогие тряпки и фирменная косметика стоили не мало, да и желанный косячок тоже отнимал много средств из её семейного бюджета.

Ещё полгода тому назад всё было хорошо, но сейчас у неё появился постоянный «клиент». Константин. Он тоже был из новых, хотя в прошлой, советской жизни, уже был «бывший спортсмен». Он упорно преследовал её и хотел регулярных отношений. Он стал появляться в «Пекине» всё чаще и чаще, привозил с собой большие компании, сорил деньгами, всем публично демонстрировал Настю и требовал, чтобы она была только с ним. Он откровенно не давал ей нормально «работать» и обеспечивать свои жизненные запросы, потому что постоянно отвлекал от хороших клиентов своими «загулами». Она старалась держать внутреннюю связь через швейцара дядю Славу и при появлении Кости ещё в гардеробе или у входа в ресторан, тут же скрывалась через кухню или второй этаж. Она его элементарно боялась. Она понимала, что он окончательно ушёл в бандиты, и ждать от него можно было всего чего угодно, тем

более в «обкуренном» или «обколоте» состоянии. Последнее время он очень пристрастился к наркоте.

Телевизор пугал в новостях стрельбой и жуткими «разборками». Перестройка перестроила мозги народа в непонятную сторону, бездействие милиции, как сдерживающего фактора, не чувствовалось, а чаще всего она сама была в «доле» с бандитами. Раскрепостившаяся часть общества, та, что без внутренних тормозов, делила территории и сферы влияния, и жить на этом свете стало страшновато. Каждый вечер с ужасом ждала она Костиного набега с похищением её тела на неопределённый срок. Всё это мешало «снимать» нормальных «клиентов» и зарабатывать нормальные деньги.

Начались материальные затруднения. Всё бы было ещё ничего, она бы придумала, как ей «работать», не попадаясь Косте на глаза. Или поменяла бы кабак, или завела сутенёра на телефоне, но в последнее время не только он сам пристрастился к наркоте очень основательно, её доза тоже стала автоматически увеличиваться. Это и тянуло её к нему, и отталкивало. Она со страхом стала наблюдать за собой, как уже почти ежедневно по вечерам ей неотвратимо хотелось курнуть или нюхнуть и отключиться. Теперь без дозы она могла уснуть, только с трудом отвлекая себя от мыслей, о своём таком странном и мешающем жить желании. Ей нужно было как можно быстрее остановить этот процесс, но для этого, опять же, нужно было найти средства к существованию и в корне поменять свою жизнь. Нужно было найти хотя бы вот такого «нового лоха» со старыми, допотопными принципами, подмоченными гнилой, совдеповской моралью и новыми неограниченными денежными возможностями.

Может быть, этот и подойдёт? – подумала Настя, всё более внимательно разглядывая Сергея. – Он производит впечатление идиота, верящего в светлое и чистое, то есть в любовь и преданность. Если это так, то можно будет облокотиться на его плечо хотя бы временно...

Эти не очень весёлые мысли не давали ей возможности включиться в общее веселье. Сергей чувствовал её замкнутость, какую-то внутреннюю зажатость, и вовсю старался развеселить за столом. Он усердно подливал в бокал шампанское, подкладывал на тарелку вкусненькие кусочки, танцевал с ней почти каждый танец, и смотрел в глаза взглядом преданной собаки, готовой по её желанию встать на четыре лапы, вилять хвостом и лизать ей руки и ноги. Они почти не общались с остальными гуляющими, кроме сидящего рядом с Сергеем Славиком, который был не просто «голубой», а даже какой-то ярко-сине-голубой. Все его манеры, напоминающие манеры капризной дамы с капризными интонациями и такими же капризными движениями рук, Настю очень смешили. Он был уже не очень молодой, на голове, через редящие и седые волосы, чётко и явственно просматривался череп, но по своему поведению он больше смахивал на молодящуюся даму в том самом соку, который уже чуть, самую малость, но с душком. Сергей явно был с ним на дружеской ноге, и Настя поинтересовалась:

– А Слава это кто?

– А! Славик? А Славик директор нашей киностудии. Мы снимаем за свои деньги художественный фильм про пиратов на Ялтинской киностудии. Это у его друга сегодня день рождения и он меня пригласил в «Пекин». Я и сам здесь никого не знаю. – он очень красноречиво посмотрел ей в глаза, моргнул одним глазом, чуть улыбнулся уголком губ и сделал мимикой лица очень выразительный жест в сторону стола, чтобы не было заметно окружающим. Этот мимолётный жест и взгляд не только объяснили ситуацию, но и больно кольнули в сердце. Она поймала себя на абсурдной мысли и ещё раз очень внимательно посмотрела на Сергея. Вдруг Настю как будто ударило лёгким током и осенило! Она узнала это лицо и даже замерла от неожиданности с каким-то мистическим, внутренним откровением, похожим на шок!

Не может быть такого! – подумала Настя и опять внимательно, прищурившись для надёжности, посмотрела на Сергея.

Она поразилась этому сходству, сходству её любимого портрета в кружевных манжетах и бархатном камзоле с этим неизвестным ей Серёжей. Её любимого, который каждое утро

радовался её пробуждению, и жил с ней её жизнью. Он жалел её, оправдывая и сочувствуя всем своим нарисованным, но таким живым для неё лицом. Он дышал с ней её воздухом. Он единственный поддерживал её в этой тяжёлой жизни своим оптимизмом легкой улыбки на губах и силы в его глубоких, карих глазах. А сейчас он сидел около неё! Он улыбался такой же улыбкой, смотрел на неё такими же глазами!

Сергей как будто что-то почувствовал и вдруг улыбнулся ещё откровеннее и подморгнул одним глазом. И как будто два незнакомых человека вдруг слились воедино, одинаково моргнули ей глазом и улыбнулись чуть уголком губ. От такой неожиданности у Насти выступили лёгкие капельки пота над верхней губой и вспотели ладошки. Но она боялась сознаться себе, что сходство может быть таким поразительным, таким точным до миллиграмма. Нужно было отвлечь себя от этой мысли, которая могла оказаться навязчивой. Отвлечься на окружающих, на соседей, на этот странный стол, населённый такой разномастной публикой, включая её саму.

Она сразу всё поняла и про стол и про Сергея. Он как бы объяснял ей и улыбкой, и мимикой, и глазами, что был в курсе о сплошной голубизне. Может быть, поэтому и бросился к ней, как к спасательному якорю на своём пути. Ещё она поняла, что не сможет теперь уйти от Сергея по собственному желанию, и, как приклеенная, будет ждать от него решения своей участи хотя бы на сегодня...

Она опять стала рассматривать его, прикрыв ресницами своё любопытство, чтобы не показаться навязчивой. Он производил впечатление совершенно нормального мужчины, и её это обрадовало. Обрадовало, что она не ошиблась в нём. Обрадовало, что он не портит первого впечатления о себе и становится похож на портрет всё больше и больше не только внешне, но, может быть, и внутренне, своим восприятием мира и пространства...

Но ещё её обрадовал рассказ про кино. Обрадовал и заинтересовал. Это означало, что и в этом она тоже не ошиблась. Значит, Сергей действительно из новых богатеев и можно будет попробовать его «охмурить», может быть, применяя и своё умение, и древнюю магию? Тем более, что это удивительное сходство стояло перед глазами и не отпускало. Настя приняла решение «прощупать» Сергея более основательно, боясь своей собственной возможности ошибиться и разочароваться. Она стала постепенно включаться в игру, называемую ею самой – «заарканым козла». Эта игра нравилась ей всегда, а сегодня она включилась в неё с внутренней дрожью и боязнью ошибки. Ох! Как бы не хотелось ей ошибиться именно сегодня...

Она стала смотреть на него за столом чуть сбоку, чтобы лучше выделялись её густые и чёрные ресницы, чуть трепеща ими и покрываясь еле заметным нежным румянцем. Она умела делать это ещё с детского дома, когда её вызывали к директору на «ковёр». Она стала бросать взгляды из-под бровей, соединяя и подкрепляя их каким-нибудь очень заинтересованным вопросом, который она задавала нежным, «девичьим» голоском, так, чтобы он и видел и любовался её ресницами, глазами, бровями, всем её лицом, и как будто бы она старалась, чтобы нет. Она открыла любовную охоту, игру с тончайшей и невидимой сетью, в которой он должен был запутаться. Она танцевала с ним так, чтобы не соприкасаться телами, а если и соприкасаться, то якобы нечаянно, случайно, после чего поднимала на него извиняющиеся глаза и опять вздрагивала ресницами, но уже сильнее. Это была та самая, главная «фишка» в её умении завлекать мужчин, она отшлифовала её с тех, ещё детских лет и до полного совершенства. Игра эта получалось у неё отменно, она владела ею точно так же, как и заливаться девичьим румянцем, от чуть заметного, до яркого, малинового, помогавшего показать ей лицом смущение, как девочке.

Он был высокого роста, может быть почти метр девяносто. Она со своим цыплячьим ростом имела возможность играть взглядом и ресницами в самой полной мере, завлекая его в эти тонкие, невидимые сети опытной женщины, не видные никакому мужскому взгляду. Захватывающая игра продолжалась весь вечер. Он должен был подумать о ней только очень хорошо. Он должен был! Он должен был не заметить её профессионализма и опытности, а увидеть

обыкновенную русскую молодую женщину, немного наивную, как девочка, немного глупую и доверчивую, немного обиженную подругой, которая так и не пришла в ресторан. Она видела, что её игра его зачаровывает и затягивает, как в пропасть, всё глубже и глубже, может быть даже основательно...

Вечер закончился предложением поехать к нему домой в гости. О деньгах она решила ничего не говорить, сделать вид, что она, как обыкновенная простушка, может согласиться поехать в гости «за любовью». В такси он шутил и, рассказывая о семье, к которой они ехали, предупреждал:

– Ты представляешь? У моей названной матери, Нины, с которой меня жизнь свела, и у которой я сейчас живу, вчера тоже был день рождения! Ей тоже исполнилось, как и сегоднешнему соседу за нашим столом, сорок лет, но только вчера! Мы отмечали это очень шумно и весело – вчера, а сегодня народ весь день похмелялся и до чего опохмелился, я не знаю, поэтому ты не удивляйся! Можно увидеть всё!

В квартире, куда они приехали, действительно было видно присутствие большого праздника. Она была завалена цветами и не совсем трезвым народом. Народу, правда, осталось уже мало. Две молодые дамочки, которых Сергей представил, как своих сводных сестёр. Одного очень красивого молодого человека в плавках, хотя на улице и был октябрь месяц. Женщины средних лет, явной именинницы, которая, почему-то, была с кровоподтёком во всю правую сторону лица, с фиолетовым синяком под глазом, с содранными локтями и в ночной рубашке. Две девицы были трезвые и уже укладывались спать, а странная парочка сидела за столом в большой комнате, была сильно под градусом и спать явно не собиралась. Настя смотрела на них и вспоминала такие же пьяные застолья из своей молодости, которые всегда заканчивались драками с мордобоем, и вот такими вот синяками во всё, только её, лицо. Синяки ставил смешной и непонятный муж Лёня, сгинувший давно из её окружения, но оставивший неприятные воспоминания и представления о семейной жизни.

Сергей помог ей снять плащ в прихожей и ввёл в большую комнату.

– Вот. Знакомьтесь! – как бы подтолкнув её под локоть, и, таким образом, выдвинув чуть вперёд, сказал он. – Это моя любимая девушка Настя!

– А разве не я твоя любимая девушка, Саша? – сказал молодой человек заплетающимся языком, икнул, и нахально заулыбался. Его голова, при этом закачалась, как у китайского болванчика, который достался ей от бабушки и стоял дома на полке у кровати, очень древняя, китайская и дорогая фигурка из кости.

Эта его нахальная физиономия скопировала и выражение лица, и мимику ухмылок Лёни до такой степени похоже, что в её глазах, вдруг, всё отчётливо всколыхнулось в памяти и встало настоящей картинкой из прошлого. Настя испугалась этого места, куда она неожиданно попала. Ей показалось, что она опять вошла в кошмар первых месяцев проживания в однокомнатной одинцовской квартире и что вот сейчас, немедленно, всё в точности повторится. Вот сейчас из кухни выйдет пьяный Лёня и начнёт её бить головой об пол или стенку, а потом безобразно насиловать прямо при этих чужих людях, а они будут сидеть, и смеяться, наблюдая происходящее, а может быть и принимать участие. Особенно ей не понравилась эта толстая женщина в ночной рубашке с синяком. Она была похожа на её пьяную мать, из их узкой комнаты в коммуналке, которую подруги звали Клавка, и которую она тихо ненавидела.

Она точно так же отреагировала на реплику парня, как отреагировала бы и её мать, засмеялась пьяным голосом и на всю комнату, и на всю Настину голову, и на всю Настину жизнь так очень громко и противно, что её противный смех загремел прямо в черепной коробке. Она сразу же почувствовала, как её голова стала чуть подёргиваться. Она знала, что это такое. Это было началом приступа. Нужно было немедленно остановить этот надвигающийся кошмар!

Настю подхватила волна ужаса и за то место, куда она попала, и за возможный приступ, и вынесла из квартиры прямо на улицу в считанные секунды. Она еле успела схватить в прихожей

свой плащ и сумочку. Она бежала по пустынной, ночной улице не зная куда, и боялась, что кто-нибудь её догонит и опять потащит в эту страшную квартиру с пьяными и дикими людьми. Но улицы ночной Москвы равнодушно взирали на её панику и не желали прислать такси.

Сергей увёз её в противоположную часть города, а как выбраться отсюда она не знала. Она жила на проспекте Мира, а это было Южное Чертаново, незнакомый район, где она и была-то всего пару раз в своей жизни. Она не имела представления, в какую сторону ей нужно двигаться, куда бежать конкретно. Это заставило её остановиться и осмотреться, но ничего не объяснило.

Страх гнал вперёд. Она стала метаться на мостовой, понимая, что потеряла всякие ориентиры. На улице накрапывал мелкий октябрьский дождик, падающий на подмёрзлую землю и делавший эту землю невозможной для передвижения на тонких и высоких шпильках. Пришлось Насте медленно, почти ползком, двигаться по скользкой дороге, рассматривая дома и пространство вокруг них, в надежде увидеть там любого прохожего, но улицы были пустынные и молчаливы. В Москве была ночь...

Сергей догнал её уже за углом дома, на узкой и скользкой тропинке вникуда....

– Настя. Ты почему вдруг убежала? Саша пошутил. Мы же все знаем про Славу, поэтому он так и пошутил. Я со Славой уезжал из этого дома на день рождения, а когда уезжал, Саша шутил по поводу ночи. Говорил, что я могу из ресторана привести не Славу, а Сашу, или какого-нибудь Шурика. А ты не поняла.

– А что это за баба с «фингалами»?

– А это наша именинница. Нина. Вчера было очень много гостей, человек сто и все надали ей горы цветов. Мы отмечали день рождения в ресторане, а когда приехали домой, и она выходила из машины около подъезда с охапкой цветов, то зацепилась каблуком за выбоину в асфальте, второй ногой поскользнулась по льду лужи и приложилась всей щекой прямо по ступенькам. А ты что подумала?

– А я подумала, что там была драка. Я не выношу драк категорически. Не приемлю их в человеческих отношениях.

– Да ты что! У нас дома никто и никогда не дерётся! Мы даже никогда не ругаемся. У нас в доме царит только любовь. Это ты зря испугалась. Пойдём обратно. Они тебя ждут. Не бойся, ничего плохого с тобой случиться не может. Может только хорошее.

Она подняла на него глаза, и вдруг он посмотрел на неё таким знакомым и любимым взглядом, что у неё почти подогнулись коленки. Она влюбилась в этот взгляд с того самого первого дня, когда они с матерью первый раз сидели в прихожей у бабушки. Она не смогла ответить – Нет. – этому прекрасному взгляду своего любимого принца и молча пошла следом за Серёжей.

В доме, и правда, было не страшно. Просто народ был сильно под хмельком и не совсем соображал, что делал. Уже буквально через полчаса все расползлись спать, и оказалось, что молодой парень Саша спит с этой старой бабой вместе, а у Серёжи была своя комната, куда они и удалились сразу же.

В постели он оказался на удивление ласковым и покладистым, что не помешало ему быть очень темпераментным, чему Настя обрадовалась несказанно, потому что хотела, чтобы он был непременно именно таким вот ласковым и таким же темпераментным, как и она.

Эта первая ночь была удивительной. Они не только телесно отдались друг другу, они отдались друг другу целиком. Эта близость соединила их так тонко и прекрасно, что каждая минута казалась им мигом, сотканным из необыкновенных ощущений полной откровенности. Они общались, перебивая друг друга, стараясь рассказать, как можно больше о себе, обнажив друг перед другом свои души, проболтав до самого утра всё свободное от телесной любви время. Она уже давно не отдавалась мужчине с таким удовольствием и совершенно бесплатно. Наверное, в этом были виноваты его удивительные глаза с такими знакомыми морщинками и

юмористическими искорками, которые проникли в её душу и задержались там на многие годы, родив в её душе незнакомое чувство, которому она не знала названия, поэтому держала его в себе, удивляясь и оберегая от посторонних глаз. Только с ним ей хотелось разговаривать много и долго, бесконечно долго, и каждую минутку для них находилась новая тема для общения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.